

РАКУШКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАРИЯ БАТЛУК

18+

Мария Батлук

Ракушка

<https://litres.ru/74658769>

SelfPub; 2026

Аннотация

Журналистка и мать двоих детей Мария в 38 лет меняет профессию и уходит в ритуальную фирму делать портреты на памятники. Там она узнает о своем диагнозе – рак груди. Маша проходит лечение, работает, живет. Ведет личный дневник.

Смерть вокруг. Покойники повсюду. Люди уходят. Близкие и далекие. Мертвые и живые. Последние воспринимают рак, как конец всему, и хоронят «иных» заживо. Это неожиданно и больно. Больнее, чем потерять грудь и волосы от химиотерапии. Страшнее, чем умереть.

Чем исцелиться, спастись, отогреться? Маша ищет.

Содержание

РАКУШКА	6
ТЕТРАДЬ1	7
ТЕТРАДЬ2	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Мария Батлук

Ракушка

Мария Батлук

Ракушка

Издательские решения

По лицензии Ridero

2025

УДК 929

ББК 63.3

Б28

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Батлук Мария

Б28 Ракушка / Мария Батлук. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 422 с.

ISBN 978-5-0065-9456-2

Журналистка и мать двоих детей Мария в 38 лет меняет профессию и уходит в ритуальную фирму делать портреты на памятники. Там она узнает о своем диагнозе — рак груди.

Смерть вокруг. Покойники повсюду. Люди уходят. Близкие и далекие. Мертвые и живые. Последние воспринимают рак, как конец всему, и хоронят «иных» заживо. Это неожиданно и больно. Больнее, чем потерять грудь и волосы от химиотерапии. Страшнее, чем умереть.

Чем исцелиться, спастись, отогреться? Маша ищет. Найдет ли?

УДК 929

ББК 63.3

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Мария Батлук, 2025

ISBN 978-5-0065-9456-2 © Дарья Вараксина, дизайн обложки, 2025

Мария Батлук 3

РАКУШКА

*Помни в самый тяжелый свой день, — Год закончится.
А ты — нет.*

Серсея Владимировна

ТЕТРАДЬ1

НЕКРАСИВОЕ НАЧАЛО

ОКТАБРЬ 2023 года

«А сосок-то останется?»

«Да я не тебя не залезу! Никто не тебя не залезет!» «Деньги проси у одноклассника за проведенную ночь».

«Я обещал помочь, когда мы были парой, сейчас извини». Так некрасиво и гадко начинается эта книга.

И продолжается.

«А почему я должен? Я стою у станка! Полирую камни! Ни хрена себе! Кто я такой? Мне это на хрен не надо! Я ничего не должен!».

«Это твоя кошка! Я тебе ее не заводил, не притащил! Сама разбирайся! Это твоя Дашка! Я не повезу ее на автовокзал! Сама, сама. Это твоя дочь, не моя».

«Мне это не надо. Я строю планы на выходные. У меня своя жизнь!».

И снова продолжается.

Очень некрасиво, согласна.

«Секса было мало! Когда это было? Сколько раз это было? Можно посчитать по пальцам!».

«Всё на меня повесили! Все на меня свесили!».

«Увольняйся! Или я уволюсь! Я не буду с тобой работать на одной работе!».

«Я парень холостой, я хоть куда, хоть завтра, куда хочу!».

Снова гадкое продолжение книги.

«Не удивляйся, если увидишь меня с другой женщиной!».

«Тебя наказал Бог, отнял грудь, потому что ты мяла титы-ки перед мужиками, флиртовала! И если ты продолжишь так себя вести, то отнимет вторую!».

«Это моя репутация! Я не буду с такой! Мне это не надо! Наши отношения бесперспективные».

«Я не знаю, повезу тебя на химию или нет. Мне надо подумать. Завтра скажу».

Первая химиотерапия после операции и короткого периода восстановления. Он не знает, повезет меня или нет.

Так начинается моя история. Дневник с момента, когда я узнала, что у меня рак груди.

МЕМЭТО МОРИ? НЕ, НЕ СЛЫШАЛИ

Меня зовут Маша, мне 38 лет.

У меня двое детей, Даша (18 лет) и Олег (10 лет). Не замужем. Последние два года встречалась с брутальным (привет, лихие 90-е) Стасом (49 лет).

Мы работаем в ритуальной фирме «Вечный огонь». Вот уж точное название. Круглый год крутится колесо ритуаль-

ной сансары. Люди умирают, мы работаем.

Уходят безвозвратно пачками, а мы ссоримся, интригуем, скандалим, завидуем, дружим «за» и «против», паримся по пустякам и по-крупному. Забываем про *memento mori* абсолютно. Несмотря на то, что вокруг памятники, надгробки, гробы, венки и могилы.

Я делаю портреты покойников на каменных стелах. Художник, ретушер, гравировщик. Стас, для которого важно «а сосокто останется?» — полировщик.

Мяла ли я титьки перед мужиками? Как-то было холодно в кабинете ретушеров, я куталась в рабочую куртку со словами «Да что так холодно-то?». И в этот момент к нам зашел полировщик.

«У меня есть глаза, я всё видел!».

Всё было хорошо. Пока я была здорова, весела, заботлива, самодостаточна. Зарабатывала и закрывала свои потребности сама. Я была удобна. Как только я попала в беду и стала слабой, брутальность мужчины, которому я дарила свою жизнь, сменилась на истерику и агрессию. Обвинения, унижения, гадкие слова. Он сильно подвел меня. Но вместе с паникой и обидой пришло облегчение.

Мне легче проходить тяжелые периоды в одиночестве. Так было и раньше.

Уходя — уходи.

Нервотрепка продолжается.

А, забыла уточнить. Стас глубоко набожный человек, который ходит в храм, ездит на причастия, исповедуется, посещает святые места.

ВСЁ БУДЕТ НЕХОРОШО

Голова болит ужасно. Как успокоиться, как успокоиться, как успокоиться?

Богиня Граммамаре Фудзимото, помоги мне. Богиня Милосердия и Королева Океана из мультика «Рыбка Поньо на утесе». Я представляю, как стою на плоту посреди воды в темноте и жду ее. Жду ее ответов. И она проплывает, огромная, светящаяся в темных водах. Лицо размером с кита. Кружит подо мной. Укрой меня, защити, помоги. И она безмолвно говорит со мной.

Скажет правду.

«Все будет... нехорошо. Но будет. Глупая, не плачь. Это не конец. Будет очень плохо и трудно. Будет добавленная жизнь, а какая — зависит от тебя. Нет цели, есть путь. Привет самураям. Ключевое слово во всей этой истории — БУДЕТ.

Граммамаре уплыла. Не сказала «ты сможешь», «ты сильная». Просто знай, всё будет нехорошо. Но будет. С этим «нехорошо» и «плохо» можно жить.

Расставаться с абьюзером — лучший подарок себе. Словно ты вышла из зачумленной деревни, крестясь и радуясь, что осталась жива. Поплакать, пострадать. А потом вдохнуть

свежий воздух перемен, свободы. Закрывать дверь с бесконечным контролем, обвинениями, унижениями.

Насчет обвинений и одноклассников. Надо же оправдываться. Привычка.

Я сходила на юбилей школы. Мы танцевали, пили и веселились с одноклассниками. Два года до этого была без вины виновата. Сажала цветы на даче Стаса, жарила курицу на печи, плела ловцы снов, обшивала подушки джинсовыми лоскутками, отдавалась ему, захлебнувшись бутылкой вина, чтобы отключить сознание и просто дать мужику как безвольная тряпичная кукла Региди Энн [1]. Чтобы не психовал и поддерживалась видимость отношений.

А потом я пошла на этот вечер встреч. Я уже знала, что у меня рак, и через две недели будет операция и что-то страшное дальше. И я отрывалась. Мы шли толпой под снегопадом, пьяные и беззаботные, орали песни, пили виски из горла. Забыв, что у нас дети, семьи, жены и мужья, работа, начальники и нам почти по 40 лет, будто мы снова безбашенные девятиклассники. Я шла за руку с Гueвым. Мы хохотали, кидались снежками, падали в снег, целовались. Я понимала, что может это моя последняя вечеринка, что я, возможно, вижу их в последний раз. Стас обрывал мне телефон через каждые 5 минут. Сначала я брала трубку, говорила, утешала, успокаивала. А потом отключила телефон.

В шесть утра я, качаясь, прошла мимо своего подъезда, напевая: «Виски, кола, королева танцпола... Ух, ты заме-

нишь мне двух. За собой манишь, паровозик чух-чух». У подъезда стоял Стас с перекошенным от злобы лицом.

В подъезде я заорала: «Ты что, не понимаешь? У меня РААААААК!!!!». И он убежал. В страхе опозориться, что соседи услышат. Ведь рак — это так стыдно.

РАК — «ПРОВЕРЕНО НА СЕБЕ»?

Я пишу с детства. Олимпиады по литературе. Конкурс чтецов. Фестиваль детской прозы «Серебряное перышко». Учительница по литературе Варвара Колесова (училась на журфаке МГУ вместе с Владиславом Листьевым) возила меня повсюду, говорила: «Пиши! Пиши всегда! Не прекращай!». Были и встречи с писателями. Сергей Георгиев, например, подписал мне свою книгу «Янка»: «Машеньке, будущей Астрид Линдгрэн, от собаколюбивого автора».

Я работала журналистом в городской газете «Минералдаровский рабочий». Больше всего мне нравилось писать про людей. Рабочих и нерабочих. Нет тем и идей? Иди на улицу и хватай первого попавшегося бомжа. Мои любимые собеседники — запойные алкаши. Они много могут рассказать. Может, поэтому и пьют? Я покупала беляши, бутылку пива, горсть шкаликов, вела бездомного, просящего милостыню, на ближайшую скамейку во двор. И начиналась интересная беседа... Иногда мне хочется сделать это и сейчас. Просто так. Чтобы поговорить.

Шла на стройку к гастробайтерам, захватив дошки, консервы, сигареты и бутылку водки.

Шла к инвалиду в будку, который чинит обувь и делает ключи.

Шла в дом престарелых к одиноким бабушкам.

Шла к безногому афганцу, который посылал всех, кто к нему

лез. Он кидал в меня костыль, но я стояла в коридоре, и мы начинали какой-то странный диалог, потом я ставила чайник на плиту, и он потихоньку начинал рассказывать...

Шла в рейды с тетушками из социальной поддержки по квартирам. Всегда поражал диссонанс: заходят в нищету женщины в норковых шубах к несчастной бабуле со словами «Вот вам печенье!».

Шла в рейды по неблагополучным семьям с делегацией от отдела по делам несовершеннолетних. Дежурила в приемном покое в ночь с 31 декабря на 1 января.

Люди, судьбы, души.

Мне кажется, произошла какая-то профдеформация личности, постоянная потребность в «свежем мясе». Звучит кровожадно. Но... Как для строителя сырье — цемент, для журналиста сырье — люди. Их чувства, слова, мысли, поступки, мотивы поведения. Кажется, свою личную жизнь я превратила в один сплошной социальный эксперимент.

Всё по классике: «проверено на себе», «журналист меняет профессию», метод «маски», сливы, утечки, пробные «шары», ловля на доки, фальшивки, провокации, предметно-вещественная среда, целостная среда обитания, собственное

поведение и ощущения, документы служебные, личные, мониторинг соцсетей и прочие «скандалы, интриги, расследования».

Моя книга «Ракушка» — точно 18+. Кажется, обошлось без убийств и кровавой расчленёнки. Хотя... Интересно, мастэктомия считается расчлененкой? Слова «говно» и «жопа» — словапаразиты книги. И да, «Ракушка» «содержит нецензурную брань». Потому что, как без мата, когда у тебя рак?

Потом я устала от журналистики. От людей. Или просто устала. Надоели до чертиков. Вот бы сидеть в камерке и расписывать матрешек! Не общаться, не улыбаться. Бойся своих желаний. Крэкс, пэкс, фэкс! И ты на базе за городом делаешь портреты покойников. Молчаливых. Последний портретный «очерк». Но, оказалось, люди и там. Они везде. Заказчики и родственники умерших, коллеги.

Жизнь так закрутилась, что я потеряла писательский скилл. О чем писать? Когда? Я рожаю, выхожу замуж, снова развожусь, снова рожаю, снова выхожу замуж, снова развожусь, беру ипотеку, меняю профессию, завожу роман, беру еще одну ипотеку, работаю, ищу себя, тащу на себе. Сиди-лась за ноутбук, открывала новый документ и смотрела на чистый лист. А сейчас... Всё стало ясно.

Что ты выдумываешь? Какого ждешь озарения? Засоряешь голову курсами сценариста, основами драматургии, ищешь тему, идею, зацепку... Вот она, тема. Автофикшн. Моя бывшая редакторша Натэлла Ивановна Каценко всегда

говорила: «О чем споткнулись, о том и пишите». Чем богаты — тем и рады. Ты прямо сейчас проживаешь уникальный опыт. Пиши о том, что болит. О том, что знаешь лично. На себе.

Каценко словно сидит напротив, смотрит из-под очков, поджимая густо накрашенные розовой помадой губы...

— Напиши о раке груди так, как никто не писал. Не пиши про рак-смерть. Пиши про рак-жизнь. Не собаке — не собачья смерть. Ты борешься с раком груди и работаешь в ритуальной сфере. Да это же пушка, твою налево! Ты уже в царстве Аида.

Понимаешь?

Понимаю ли я?

Да я понятия не имею!

ПЕРЕПУТАННОЕ ВРЕМЯ

Идет 2024 год. Год Дракона. У меня есть перекидной календарь с красивыми величественными драконами на каждый месяц. Мы разглядывали его с Олегом и представляли... Вот февраль, колючий, голубой с белым, скованный из льда. Вот таким будет май, японский цветущий зеленый дракон...

Дни, числа и месяцы перепутались и смешались в кашу «химического мозга». Этот календарь — единственный навигатор, чтобы сверять компас. Поэтому терпи, читатель. Продирайся сквозь сумбурное начало книги, вместе со мной. Не удивляйся, что сегодня март, а завтра январь. Дальше

«химический туман» рассеется. Резкость диоптрий на происходящее наведется.

Через две недели после операции на консультации у химиотерапевта я узнала, что мне назначено 18 (восемнадцать, Карл!) курсов химиотерапии, через каждые три недели. Что от меня останется? Что это будет за жизнь? Подсчитала. Это и есть год.

На консилиуме перед операцией я спросила: «Сколько времени займет лечение?». «Ну, года полтора».

— Когда я смогу выйти на работу?

— Нуууу... Мало кто может работать в этот период.

Надо как-то перетоптаться, пережить, переждать, пройти. Каждый месяц года — дракон, которого надо одолеть.

Из всех поздравлений медийных персон в сети мне понравился посыл Хакамады. Надо думать не о драконах (грозных, ужасных, опасных), а возвращать внутри себя маленького дракончика. Шажочками потихоньку топать, двигаться вперед. И тогда он будет набирать мощь (наверное). Нарастивать новый, красивый панцирь, хвост, чешую, когти (но это не точно). И так будет происходить какая-то глобальная трансформация (возможно).

Впереди мои драконы. 12 драконов. Я — совсем не их мать. Я растеряна, придавлена и оглушена диагнозом. Мне не приручить их. Буду тихо и осторожно, таинственно ступать через этот год, как в игре «Крадущийся»...

ДИАГНОЗ

**C50.1. ЗНО ЛЕВОЙ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ. ER5
БАЛОВ. PR4 БАЛЛА. HER2/NEU3+. KI67 40%.
PT1CPN0PMX G2 СТАДИЯ IA.**

Характер заболевания. Впервые в жизни установленное хроническое.

Гистология. Инвазивная карцинома молочной железы, неспецифического типа с наличием компонента in situ и ассоциированной болезнью Педжета [2].

Решение консилиума. Первым этапом с учетом стадии заболевания и ИГХ показана операция в объеме ампутации левой молочной железы с лимфодиссекцией 1—2 уровня. Мастэктомия по Маддену [3].

Далее план такой. Решение вопроса о курсах полихимиотерапии, эндокринной терапии, таргетной терапии, гормонотерапии.

В общем-то, всё по лайту. Начальная стадия. Хороший прогноз. «Самый лучший рак, заходил вчера!» [4]. Уборщица в онкоцентре как-то мне сказала: «Титишница? Молочка? Не переживай, уж рак груди-то они научились лечить».

С Педжета как-то не очень понятно. Где-то пишут, что Педжета агрессивен и даже при лечении оставляет заболевшей года три жизни. Где-то пишут, что Педжета вполне себе поддается лечению.

Лимфоузлы чистые, не задеты метастазами. Но раковые

клетки могут распространяться не по лимфотической системе, а через кровь. Поэтому рядом с буквой М (метастазы) мне пишут «х». Неизвестно. КТ с контрастом могут не увидеть микрометастазы. Они могут где-то затаиться. Поэтому их надо прибивать химией, добивать снайперской винтовкой — таргетами, глушить эстроген гормонами, гасить метастазы в костях золендроновой кислотой, пить тамоксифен, входить в стойкую менопаузу, переходить на анастрозол... Проверяться каждые полгода.

Почему меня лечат так, словно у меня не «закрытый перелом, а открытый перелом» [5] — не первая стадия, а четвертая? Молодой возраст, гормональный хер-положительный подтип рака, опять же Педжета... Разрушенный раком сосок и опухоль в груди. Надо лечиться и не думать ни о чем. «Но пришла пора, и собрался в путь, ну и ладно, будь» [4].

О чем я думала? Три года я просыпалась и первым делом, как ни в чем небывало, мазала, обрабатывала, заклеивала... Что-то кожное, заживет. Стирала маечки и лифчики. Подкладывала ватные диски. Перепробовала все. Почему-то не заживало. Психосоматика? Кожная реакция на стресс? Я обратилась к маммологу. Сделали УЗИ. «Грудь не деформирована, это не рак. Сходите к кожнику». Дерматолог: «Попейте ацикловир, помажьте цинковой пастой, надо укреплять иммунитет».

Первый онколог, к которому я пришла, спросил: «А как

ваш партнер на это реагировал?». Никак. Он не хотел это видеть, в сексе я была всегда одета сверху. Не снимала бюстгальтер, а когда хотела снять, то он показывал, что не надо. Секс бочком, сзади. Поза — лежащие ложки. Чтобы не видеть, не знать. Я комплексовала, стеснялась. Какая-то проказа на соске. Некрасиво, неприятно. Стыдно. Мы не будем это оголять, видеть, как будто этого нет.

Почему он орал «А сосок-то останется?». Он его, итак, год не видел.

Никто не бил тревогу. Я не ходила в баню, редко купалась в речке, отворачивалась в душевой бассейна. И каждое утро и вечер обрабатывала свою незаживающую болячку. Некогда заниматься этим, ходить по врачам. Пройдет. Дети, работа.

ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ВЕРИШЬ МУЖЧИНАМ?

Шов. Проблема №1. Мой шов просто идеально зажил по краям. Но в центре — караул. Он разошелся. Начал мокнуть. Спустя месяц корочки в центре шва отпали. Вымокли, выболели. Шов развалился, вывернулся наружу. Мне снова зашили его. Без анестезии.

«Может всё-таки с анестезией?» — взмолилась я. «Ни к чему. Не будет больно. Почему ты не веришь мужчинам?» — пошутил хирург Орлов, который меня до этого оперировал.

Рана снова развалилась. Первая химия уже прошла. Циклофосфамид, доцетаксел, трастузумаб. Регенерация тканей — на нуле. Прыщи на лице не заживают. Что говорить про шов.

Волосы. В ожидании момента, когда они начнут покидать меня. Сегодня помыла голову. Расчесала, высушила. 8-й день после химии. Кажется, что они гладкие, мягкие, послушные. Мысль 1567-я по счету: «Может, у меня всё-таки не выпадут?».

Когда волос не станет, всё тайное станет явным. Ширма упала и грохнулась на пол. Теперь все видят, что у меня рак.

Сколько я уже вводила в поисковике запросов на эту тему — не счесть. На какой день выпадают волосы после химиотерапии? От каких химиопрепаратов волосы не выпадают? От каких выпадают точно? Как выпадают волосы? Постепенно? Или все разом? Фотографии, истории, отзывы. Холодовой шлем. Парики. Чалмы. На 14-й день. На 10-й...

Может, я буду первой, у кого волосы НЕ выпадут?

Я видела диагнозы тяжелее, сложнее моего. Врачи говорят, нет двух одинаковых историй болезни, если речь идет о раке груди. Не может быть никаких сравнений, сопоставлений. Всё индивидуально, непредсказуемо. Или предсказуемо. Можно с небольшой стадией сгореть за полгода, а можно с четвертой прожить и пять лет, и десять. И больше.

Волосы. Всю жизнь, сколько себя помню, отращивала волосы. Всегда ниже лопаток. «Что тебе подарить?». Что-то для роста волос! Я специалист по отращиванию шевелюры.

Дарсонваль, маски с горчицей, никотиновая кислота, масло мяты, массаж, солевой пиллинг, витамины. Особый вид релакса — лежать и залипать в истории на «Айрекоменд»... «Моя история отращивания волос». Мммм!

И вот мне предстоит с ними расстаться. На какое-то время. Или не предстоит? Я всё еще надеюсь.

Шов. Посмотрел наш местный нерусский врач-онколог в поликлинике. Убрал два шва. Оставил еще один на недельку.

— Может, зашить снова?

— Смысл нэт.

— Ну он заживет?

— Аллах как всё устроил? Что всё заживет, и всё пройдет. Окей. Аллах, так Аллах.

С НОВЫМ ГОДОМ, ПОШЕЛЬ НАФИК

В нашей поликлинике два онколога с труднопроизносимыми именами. Фаидов (постарше и подороже) и Ардахидов (помоложе и позлее). Бабушки носят с собой бумажку, на которой написаны имена, чтобы правильно обращаться, не злить доктора. Молодой всегда обижается, поправляет, заставляет произносить его имя и отчество правильно. Тот, который постарше, с улыбкой пресекает попытки произнести его имя: «Зовите меня прост Доктор».

Поначалу я вообще не понимала, что они говорят (мяукают).

Помню, как приехала после операции из Каменска в род-

ной Минералдар 29 декабря. Пошла на прием и перевязку. Очень переживала за дырочку от дренажа, где была вставлена резиночка. Миллион вопросов. Когда ее убирают? А если убрать раньше, то... А если убрать позже, то... А если это гной? А если скопится там внутри сукровица? Ее надо будет откачивать? Проколами? А если...

Диалог получился примерно такой.

— Када бьель операций?

— 14 декабря.

— А сняль дренаж?

— Через неделю. Чуть больше. Вроде 25 декабря.

— Трубка-дренаж када?

— 25 декабря.

— А операций када?

— 14 декабря.

— А, панятна. Трубка-дренаж 20 декабря.

— Что? Нет. Операция была... — начинаю снова объяснять хронологию.

— Перевязка не нада. Резиночка не нада. Праздники, не работат. Срочна — приемный покой. Можьна помыться третий день.

«С Новым годом, пошель нафик» [6].

Тогда весь мир сузился до этой резиночки в дырке от дренажа. Всё, что меня волновало. Я еще не знала, что шов разойдется. Его зашьют. Это не поможет. Химиотерапию откладывать не будут. И ты будешь жить с этим незаживающим

мясом еще месяца два. А потом он (благодаря Аллаху или еще чему) заживет и будет выглядеть, будто я с разбега налетела на бензопилу.

Зато «можно» помыться.

10-й день после первого курса химии. Я всё-таки надеюсь, что волосы НЕ выпадут. Я буду первой, у кого волосы не выпадут.

ДА СГИНЕТ ХВОРОБА!

Очереди у кабинетов. Сколько часов, проведенных в очередях... Можно писать фельетоны. В основном, это пожилые люди 60+. И очень плюс. Молодых я вижу редко. Среди них есть очень злые, ожесточенные, жадные до жизни старики. Это поражает. «Я первый! ПЕРВЫЙ захожу. У меня талон на 12.30. Первый ЯЯЯЯЯяяяя!» (противным, трескучим голосом). Вид у него такой, что ясно, — первый за оградку (прости, Господи).

Я полный профан по части попадания в кабинет хоть с талоном, хоть без талона. Как-то я пропустила вперед уже человек шесть («талон», «мне срочно», «я только спросить», «пожалуйста», «допталон», «я вчера с утра просидел до вечера и так и не попал в кабинет», «поимейте уважение к возрасту», «мама лежащая, я отпросился с работы», «мне еще из садика внука забирать», «молодая еще, подождешь») и только собралась зайти в кабинет, как одна бабка с палкой вскочила и встала у двери.

— Томилова! Зайдите уже! — выглянула медсестра и строго посмотрела на очередь.

Бабка сказала, что с места не сдвинется и не пропустит никого. Другие бабки вступились за меня. Старуха отступила со словами «Ну иди. А то еще сдохнешь тут!» Занавес. Я называю это БДСМ — аббревиатура Бесконечная Доброта, Сострадание и Милосердие.

Но есть и милая история. Один дедушка сидел в очереди (человек 25) и смотрел с телефона видяшки в одноклассниках. На беззвучном режиме. Но звук вдруг включился и разнеслось на весь больничный коридор: «Да и сгинь ты, зараза проклятая! Да взойди солнце, да озари путь наш! Семаргл-Сварожич! Велик Огнебожич!».

Дедушка нервно теребил телефон, пытаясь отключить звук.

«Спали боль-хворобу, очисти утробу! У гада людины, у всякой тварины, у стара и млада, ты — божья услада!».

— Мужчина! Сделайте потише! — крикнула стервозная бордовая шапка с тонкими сжатыми губами.

«ОГНЕМ ОЧИЩАЯ, МОЩЬ ДУШ ОТВОРЯЯ, СПАСИ ЧАДО БОГА, ДА СГИНЕТ ХВОРОБА!» — динамик телефона стал еще громче.

— Мужчина!

«ТЕБЯ ПРОСЛАВЛЯЕМ И К СЕБЕ ПРИЗЫВАЕМ!» — Мужчина! Звук уберите!

— Да, ладно, послушаем. Вдруг поможет! — махнул ру-

кой улыбочивый парень в кожаной куртке.

«НЫНЕ И ПРИСНО И ОТ КРУГА ДО КРУГА! ТАКО БЫТЬ, ТАКО ЕСИ, ТАКО БУДИ!».

Дедушка наконец совладал с телефоном и отключил звук.
— Внучки присылают. Лерочке — шесть, Лизоньке — девять, — извинился он, совершенно сконфуженный.

У меня защипало глаза. Внучки шлют дедушке волшебные видяшки, которые излечат его, и он будет спасен.

Я успокоилась и загуглила. Древнейшие славянские заговоры. Почему бы и да? Работает то, во что веришь. Неважно, Перун, Сварог, Заратустра или Йохимба. Мне зашло. На ночь слушала аффирмации наших предков-славян.

«Как отскочило, отпрыгнуло белое крыло, так отскочите, отпрыгните, отпряньте от меня родимые огневицы, горячки и лихоманки — Хрипуша, Ломея, Дряхлея, Дремея, Ветрея, Смутница, Зябуха, Огнея, Пухлея, Желтея, Немея, Глухея, Каркуша, Глядея, Храпуша. С буйной головушки, с ясных очей, с черных бровей, с белого тельца, с ретивого сердца. С ветру пришла — на ветер пойди, с лесу пришла — на лес пойди.

От века и до века».

Сильный, умный и классный человек, который придет и спасет тебя — это и есть ты [7].

ВСЁ ЗАКОНЧИТСЯ КРЕМАЦИЕЙ

Я была очень наивна. Как всегда. Думала, что сейчас не

время. Доработаю сезон (разгар установок памятников на кладбище — с мая по середину октября), никого не подведу, пойду в отпуск и разберусь с проблемой.

Колотила как сумасшедшая портреты, заклеивала по утрам свой несчастный сосок, морщилась от боли. С постоянной температурой 37,5. К вечеру она поднималась до 38. В три часа дня начинала болеть голова, я закидывалась таблетками, и продолжала ретушировать фотографии покойников, колотить на станках портреты, чистить машинкой, красить белой краской, дышать растворителем, ацетоном, уайт-спиритом, каменной пылью, солярой. И так по кругу.

Но, оказалось, чтобы добраться до операции, нужно ходить, брать талоны, сдавать анализы, проходить обследования, узи всего чего только можно, маммографию, рентген и постоянно ждать. Ждать. И ждать. И еще раз ждать. Ждать постоянно. Результатов анализов, следующего приема, поездки в онкоцентр, консилиума.

Мне звонили знакомые, звали куда-то, спрашивали, как у меня дела. Я подвисала. Отказывалась от встреч. Молчала про рак. Что-то отвечала... Мысленный ответ был один: «Я выживу и перезвоню» [8].

Оказалось, у меня язва желудка и оперироваться пока нельзя. Нужно сдавать гистологию, чтобы узнать, может это тоже рак или метастазы. Глотать трубку. Ехать на трепан-биопсию. Таким пистолетом с иглой протыкают

грудь, целясь в опухоль, чтобы взять образцы тканей раковой опухоли для определения параметров злокачественности. «Пиф-паф! И вы покойники, покойники, покойники!». У меня тогда шли месячные и болевой порог был высокий. Я подскочила от выстрела, казалось, меня прямо на кушетке застрелили в упор в сердце.

«Трепанашки из регионов» — так называют женщин с подозрением на рак груди, которые приезжают из городов области в Каменский филиал областного онкодиспансера. Я, несчастная «трепанашка» из региона, рыдала в больничном коридоре после процедуры от боли и ужаса. И это только начало? Взять образец ткани? А что же будет дальше? Как я это вытерплю?!

И хроническое недоумение «Что я здесь делаю? Это происходит со мной на самом деле?».

Из отпуска я вышла на работу и еще успела полтора месяца поколлотить портреты.

— У меня еще язва желудка, — поделилась я с коллегой Гогой.

— Молодец. Дело ясное, что дело темное. Не переживай. Все закончится. В крайнем случае, кремацией, — подбодрил он.

Гога — бригадир ретушеров. Он же Георгий Иванович, он же

Жора — мастер на все руки. Самый человечный парень в

этом «Вечном огне». Глуховатый, с аппаратом-наушником, в очках и с бородкой, перевязанной силиконовой резиночкой. Слушает хард-рок и хэви-метал с налетом готики и «мертвечины».

Год назад он был моим учителем по ретуши и гравировке портретов. Объяснял элементарные вещи.

— Гога, что такое надгробка?

— Каменная плита, которую сверху кладут на могилу, чтоб покойник не вылез.

Мы ругались и мирились. Я благодарна ему за терпение. Мудрость. Чувство юмора. Готовность прийти на помощь. Гога давал не рыбу, а удочку. Все шишки — твои. Но я помогу. Не брошу.

Он не бросал. Никогда. Чем больше его узнавала, понимала, что передо мной — матерый атеист, который поступает в жизни как истинный христианин. Любимая фраза: «Если долго вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя» [9].

Алину — вторую ученицу, с которой мы одновременно пришли в «Вечный огонь», он долго не допускал до святого — станков. Я уже всю колотила реальные заказы на стелах, а Алина еще по сто раз переделывала ретушь. Помню, она неделю ретушировала фотку мужчины с фамилией Мельник. Переделала.

Походит Гога, смотрит в монитор, вглядывается в бездну.
— Ну и чем старый Мельник отличается от нового? [10].

«Бездна» -Мельник вглядывался в Алину. Поэтому меня, так резко начавшую, Алина и коллеги иже с ней тихо возненавидели.

КУРЛЫК

На Хэллоуин Наташа (моя старшая сестра) организовала семейную вечеринку. На ней я сообщила о своем раке. Страшная история на Хэллоуин. Год назад мы похоронили бабушку, мамину маму.

Первая реакция мамы и сестры: «Рядом с бабушкой на кладбище есть место. Мы брали под два захоронения!».

Мы бодрились, смеялись и шутили. И совершенно не представляли, что это и как это будет.

В тот период я смотрела «Во все тяжкие». Лучший сериал, который я бы рекомендовала смотреть людям с онкологией. Он совсем не про рак. Про жизнь и крутые, простые ценности: семью, доверие, дружбу, преданность, верность, любовь. А рак, это так, фоном. Дополнительная опция для большего драматизма. Но не главное.

Из нашего посмотрела «275 причин чтобы жить». Полине Максимовой идет быть лысой. Очень секси, хрупкая и трогательная, как олененок Бэмби. Начало сериала меня расстроило. А где лечение? Борьба? Преодоление? Как всё происходило? Где стадии принятия неизбежного? Проживание этапов. Отрицание, гнев, торг, депрессия, смирение?

А тут бац — вы здоровы, вы победили, идите и живите.

Ну, так не интересно. Сейчас я понимаю, это и есть САМОЕ интересное. Как жить дальше. Потому что как раньше уже не будет, не получится. Всё изменилось. Ты изменилась. Окружение. Отношение к тебе. Твои возможности. Физические, психические. В этом плане «мои драконы» куда реалистичнее, чем жизнь героини Максимовой. Поэтому, обещаю, будет интересно.

Интересно даже то, к примеру, как пишет человек под «химическим» мозгом. Может, вот откуда Донцова генерировала тонны иронических детективов?

Состояние «химио мозга» (chemo brain) — когнитивные нарушения и поведенческие изменения, ухудшение памяти, внимания, мышления, нарушения равновесия и координации движений.

Мы с Олегом называем это «курлык». Голубь Валера поселился в моей голове. Я туплю, спрашиваю сына о какой-то чепухе, провожая в школу говорю «с новым годом, сынок», нюхаю часы, чтобы понять, который час, просыпаюсь, не понимая, где я. Олег смотрит, спрашивает: «Курлык?». Мы улыбаемся и хихикаем. Да, курлык.

ВСЕ ПЕСНИ — ПРО РАК

Когда мне поставили диагноз «рак», я перестала слушать музыку. Потому что все песни вдруг стали «про рак». Все до одной. Абсолютно. Названия, строчки. Всё про рак, даже не сомневайтесь.

Земфира «До свиданья, мой любимый город!» (прощает-

ся, умирает).

Песня «Хочешь»: «Пожалуйста, не умирай, или мне придется тоже...» (тут всё понятно без пояснительной бригады).

«Агата Кристи». «Каменное сердце» (точно про рак, сердце окаменело от боли предательства и перспективы умереть).

Сурганова. Тут точно про рак, ведь она сама несколько лет боролась с раком.

«Квест Пистолс». *«Ты так красива, невыносимо...»* («невыносимо», потому что у тебя рак, и ты умрешь).

«Смысловые галлюцинации» — практически все песни про рак. Песня «Остановите звездопад»: *«Греет душу чужое горе, а свое на миг притаилось...»*.

У Дельфина все песни про рак. У Линды тоже. В общем, я могу перечислять бесконечно, никому не переубедить меня.

«Кукушка» Цоя в исполнении Полины Гагариной — это просто гимн раку.

Песен еще не написанных сколько?

Скажи, кукушка, пропой! (Доктор, сколько мне осталось?).

В городе мне жить или на высылках? (поживу еще или пора на погост?).

Камнем лежать (в могиле под надгробной плитой) или гореть звездой, звездой? (мама не умерла, она на небе звездочка теперь, помаши маме ручкой).

Солнце мое, взгляни на меня! (инсоляции запрещены онкобольшим до конца дней).

выпадут. «Плечи терпеливые». Быть терпилой — удел онкобольной. Терпеть придется много: боли, физической, моральной, хамства, равнодушия).

В общем, вы поняли.

Если послушать еще и Пугачеву «Я пою», то можно повесится сразу. Или застрелиться.

...Ты всё взяла, ну что ж, изволь

А мне оставь хотя бы боль...

И припев (можно ставить табуретку и совать голову в петлю):

Ничего я не жду, в мире целом

У любви на виду, под прищелом

У судьбы на краю, в зимнем поле

Всё стою и пою, я от боли

От боли я пою, люблю...

Вот ты одна в поле — со своим раком. Со своей болью.

И всё, что тебе осталось — это петь от боли. Точнее, выть.

УСПЕТЬ!

Я пишу личный дневник в тетрадки хаотично, урывками, с мыслями «Успеть!». Ты в переходе. Успевай.

Успеть записать это, не забыть записать то. Я знаю, у меня будет армия читателей. Сейчас те, кто заболели и в начале пути, ищут: книги, дневники, форумы. Я сама искала. Информации так много, но так мало. И всё не то, не то... Не отзывается, не откликается, не помогает. Моя книга поможет.

Мы вместе будем искать точки опоры. Мы будем цепляться за жизнь изо всех сил. Пробовать всё, чтобы выбраться из клешней рака

Эксперты считают, что рак молочной железы станет самой частой опухолью у россиян в 2036 году. Таковы результаты исследования, проведенного в Бюро по изучению рака. Заболеваемость этим видом рака в России увеличится почти на треть, но до сих пор не выяснены главные причины такого тренда.

В ближайшие 15 лет в России заболеваемость РМЖ вырастет на 13 тысяч случаев в год. Эти результаты похожи на тенденции в мире. Согласно американским данным, РМЖ в 2040 году возглавит топ-5 самых частых опухолей у женщин США, и также, как в России, окажется на втором месте по смертности только после рака легкого.

Почему женщин так косит этот рак груди? Что за напасть? Что хочет от нас природа? Или этот жестокий, обиженный на женщин, Бог Стаса? Пробудить нашу истинную сущность? Наказать нас за нелюбовь к себе? Перепрошить, перезагрузить наши мозги? Вывести новый вид женщин, которые ценят каждый миг жизни и излучают безусловную любовь здесь и сейчас?

Я буду искать ответы на протяжении всего своего дневника. В любом случае, мои «драконы» точно пригодятся нам и потянут на крепкое социальное высказывание.

10-й день после первой химии. Волосы на месте. Сходила на ВК (врачебная комиссия). Продлила больничный. Без происшествий. Купила глазные капли. Глаза сухие и постоянно слезятся. Приготовила макароны по-флотски. Заплатила на Интернет.

ВСЁ ЖИВОЕ ХОЧЕТ ЖИТЬ

Расскажу об операции. 14 декабря 2023 года.

Я очень хотела, чтобы операция состоялась в уходящем году. Как будто бы я оставляю в старом году весь этот рак, и шагну в Новый год, как в новую жизнь. Я поехала в Каменск. В этом городе я была не раз. На свадьбе у студенческой подруги. Потом закрутился яркий, но непродолжительный роман со свидетелем со стороны жениха. По закону жанра я была свидетельницей. Мы тусили на даче, отмечали какие-то дни рождения. Теперь поездки в Каменск связаны с жутким раком.

Оформление, анализы, палата. Соседки. Вопросы, истории.

Вечером — две важные встречи: с хирургом и анестезиологом.

С хирургом.

— Замужем?

— Нет.

— На полное удаление молочной железы согласны, — вопросительной интонации нет.

Подпись.

С анестезиологом.

— Аллергии на лекарства есть?

— Нет. Я точно не очнусь во время операции? Я точно буду крепко-крепко спать? — всё, что меня волнует сейчас.

— Я постараюсь, — снисходительная улыбка.

Всё кратко и по делу. Просто очередная «молочка» в трудовых буднях онкодиспансера. Так был подписан приговор моей несчастной, пораженной раком, левой груди. Которая выкормила грудью двоих детей. Служила мне верой и правдой. Но подвела. Никаких разговоров про дальнейшую реконструкцию. Я скована ужасом. Я согласна отрезать не то что грудь, но и руку, и ногу. Только отрежьте от меня этот рак, отделите меня от него.

«Не думай о реконструкции. Жить хочешь — забудь. И живи» — сказала санитарка.

В мире — тенденция на органосохраняющие операции при РМЖ, с одномоментной реконструкцией. Но я не думаю, что здесь, на Урале, прогресс не дошел. Дошел, и делают резекции и сохраняют грудь, и ставят импланты. Видимо, у меня такой случай. Убрать полностью, от греха подальше. Я согласна. Доверяю врачам.

Каменский филиал онкологического диспансера — старенький, но здесь по статистике лучшая выживаемость, чем в навороченном, более технологичном, современном областном филиале. Протоколы лечения одинаковы, хоть это ев-

ро-люкс онкоцентр, хоть обшарпанные стены и дух советского союза в больничных коридорах.

Главное, как везде — люди. Врачи. К кому повезет попасть в руки. У хирурга Орлова — стаж 40 лет. Он знает, что делает.

Утро. На улице -37. Не вставая, надеть чулки. Не пить, не есть. Обход. Медсестра. Катетер. Пошли. Очень холодно в операционной. Я голая. В носках и чулках. Зубы стучат от холода и страха. Катетер в вену. Укрыли двумя одеялами. В операционную начинает подтягиваться медперсонал. Первая операция с утра. В вену начинают вводить лекарства. Я плыву, но еще в сознании.

— Как настроение? — слышу бодрый голос Орлова.

Скорее всего вопрос адресован коллегам. Я лежу, как Патрик Стар [11] на распятии и вдруг слышу свой игривый голос: «Предновогоднее!». Снегурочка на утреннике, не иначе. Успеваю почувствовать стыд «Боже, что я несу!», слышу смех и отключаюсь.

Стас был прав, я флиртую, даже лежа на операционном столе.

Совершенно точно я помню, как меня поднимают и перекладывают. Очнулась в реанимации. Трубку в горле и маска. Мешает дышать. Вот-вот задохнусь. Не могу ни позвать, ни замычать, ни пошевелиться.

— Можете поднять голову?

Не могу.

— Посмотрите на меня.

Один глаз еле разлепился, второй куда-то косит. Снова поражение. Трубку не убирают. Медсестры реанимации должны быть уверены, что после наркоза, в «отходняке», больной может самостоятельно дышать. Мне кажется, я могу. Но мне кажется. Я задыхаюсь. Если трубку не уберут сейчас, я задохнусь.

Маску с трубкой убирают. Какое облегчение. Тонкая трубочка с кислородом в ноздрю. Отключаюсь. Очнулась. Капельница.

Меня рвет. Отключаюсь. Очнулась. Больно. Реву. Тошнит. Рвет.

— А что мы тут плачем?

— Мне очень бооооольно... — пишу я.

Обезболивающий укол в бедро. Еще один пакет капельницы.

Отключаюсь. Очнулась. Вырвало.

— Домой в палату поедем? — врач слушает сердце.

— Поедем.

Но мы никуда не едем. Кажется, уже вечер, темно. Слезы. Тошнит. Рвота. Боль. Боль такая, словно меня переехал КАМАЗ.

Вечером мы приехали в палату. Соседка Света (53 года,

рак груди) взяла меня под материнский патронаж. Глоток воды. Рвота. Не пить до утра. Рвота.

— Пробуйте сесть. Садитесь, вставайте. Будет легче. Давайте, давайте. Все живое хочет жить, — заглянул в палату дежурный реаниматолог.

Я села в кровати. И больше не легла. Сидела, слабыми руками держа больничный тазик. Всю ночь меня рвало. Трое суток не ложилась и не спала. Полусидела на правом боку, раскачивалась как аутист и подвывала. Мне ставили обезболивающие. Укола хватало на два часа. Боль не отпускала. Крутила и сжимала в тисках.

Пришла строгая медсестра. «Больше никаких обезболивающих! У нее язва желудка недавно пролечена! От кетонала желудок в тряпочку превратится, терпи. С каждым днем будет легче». Легче не становилось.

ПИФ-ПАФ И ВЫ ПОКОЙНИКИ

У меня торчала со спины очень толстая дренажная трубка. У «молочек» были такие тонкие аккуратные трубочки, на конце попмы, куда стекает жидкость из раны. У меня был просто садовый шланг. Света сказала, что Орлов с утра орал на кого-то: «Почему такую толстую? Где взяли? Коновалы! Руки оборвать! Девчонка мучается!». Видимо, он провел мастэктомию, а зашивали рану и ставили дренаж ассистенты.

Медсестры, видя мои муки, говорили, что придется терпеть, пока дренаж не снимут. Трубка толстая и задевает какой-то нерв. Кусачие пауки жалят, кусают, дергают за стру-

ны в руке, груди, шее, спине, позвоночнике. Электрические скаты, обжигают и стреляют, как электрошокером. «Пиф-паф! И вы покойники, покойники, покойники!» — строчка из «Бременских музыкантов» становится лейтмотивом моего пути.

Я подвывала и раскачивалась, сидя на кровати, глотая слезы четвертые сутки. Глаза от влаги воспалились. Пятые сутки. Шестые сутки. Седьмые сутки. Восьмые сутки. Девятые сутки. Я увидела себя в зеркале. Белое лицо, красные глаза, синие губы. Больничный триколор. Мне казалось, когда доктор решит, что пора снимать дренаж, всё закончится. Эта боль закончится.

На остальное — плевать. Лишь бы убрали этот шланг в боку.

ОЙ, КАКАЯ МОЛОДАЯ!

Люди.

Я не видела молодых. Самой молодой после меня в хирургическом отделении была Света. Люди очухиваются после операций, начинают выползать из палат в коридор, общаются. Когда я начала выползать «в люди», мне казалось, теперь меня зовут «Ой, какая молодая!». И полные трагизма глаза.

Наблюдения.

Мужчины, когда созваниваются со своими женами, обращаются к ним ласково-ласково! Люсечка! Танечка! Олечка! Анечка! Ты мне костюм положи спортивный, синий, с лампасиками. Бульончику в следующий раз в круглом контей-

нере с желтой крышкой. Всегда ли вы были такими ласковыми? Или только сейчас ваша нежность проснулась, когда жаренный петух подкрался к мягкому месту?

Есть очень классные бабули. Веселые, громкие, оптимистичные. «А в основном, прекрасная Маркиза, всё хорошо, все хорошо!» [12] — распевает, созваниваясь с подругами.

Есть очень токсичные. Всё плохо, мы все умрем. У них в арсенале много историй, которые заканчиваются «ну, потом она умерла, конечно». Одна женщина в нашей палате была просто кладезем таких историй. Я перестала их слушать. Она снова что-то рассказывала... Я вытащила наушники и спросила: «В конце она умерла?». «Да-да, конечно». Понятно. Снова вставляю наушники.

Есть непрошибаемые бабы-звери. Я смотрела на них и поражалась. Сажу пятые сутки буквой «зю» на краешке своей кровати, корчусь от боли с зеленым лицом, со своей трубкой, 24/7 ищу положение тела, чтобы электрический паук не так сильно терзал и дергал меня... А в это время привозят в палату после операции на молочной железе женщину-гору. Встала. Чаю похлебала, с сахаром и сгущенкой. Зарубала бутер с колбасой (и это после наркоза, от которого я сутки блевала!). Перекинула через плечо дренажную трубку, pompa ударилась от металлический каркас больничной койки, шмякнулась об пол и закатилась под кровать. Три минуты и захрапела. Храп раскатистый, ровный, богатырский. Есть женщины в русских селеньях! [13]. Вот это железные нервы

и крепкая психика. Таковую никакой рак не убьет. И никакие беруши с такой соседкой вам не помогут.

Еще я заметила, что даже пожилым женщинам с «молочкой» делают «высечку» или резекцию, сохраняя грудь. Они быстрее восстанавливаются. Бабушки поглаживают обвисшую до живота грудь и приговаривают: «Хоть грудь оставили!». Хотя вот зачем она ей в 78 лет? Затем. Женщине важно оставаться женщиной. Даже в 78 лет.

Когда боль отступает, начинаются истории. Рака и жизни. Их будет много. Они будут хуже вашей или лучше. Но соревнования «кто из нас больше» в онкологии я не заметила. Все как-то понимают — всё непредсказуемо.

И все с замиранием сердца ждут анализов после операции. Самых точных и достоверных, от которых будут зависеть шансы на жизнь и дальнейшее лечение. Плачут, когда послеоперационная гистология плохая. Плачут, когда хорошая.

НА ВСЁ ВОЛЯ БОЖЬЯ

Потом на очередном обходе меня внезапно выписали. Убрали дренаж. Я заорала на всю больницу. Уехала домой 29 декабря.

Меня забирал Стас. На белом мерседесе. Я пыталась залезть на заднее сидение, чтобы как-то там устроиться и найти полулежачее положение тела, чтоб пауки не сильно меня жалили в долгой дороге, но он скривил рожу: «Садись вперед!».

Я не стала спорить, говорить, что мне будет больно ехать сидя, что в спине дырка от шланга, грудь перемотана бинтами и каждая кочка будет для меня отзываться жгучей болью. Я молча, после всего пережитого, села вперед, потому что он так захотел. В этот момент он умер окончательно для меня.

В дороге он был нервный, снова начал разборки о том, что «всё началось с одноклассников», что он мне теперь не верит, не доверяет. Я смотрела на заснеженные поля и леса. Молчала. Не было слез. Он что-то невнятно бурчал: «Ну теперь, сколько Бог даст... На всё воля Божья...». Крестился, проезжая мимо каждой церкви на дороге.

А я думала: «Да пошел ты в жопу со своим Богом и со своей волей Божьей...». У меня не было сил. Это он умер. А я жива. Мне выдрали дренажный чертов шланг из спины. Это счастье. Остальное — неважно. Я хотела домой. К Олежку, к Дашеньке. Остальное — суета.

Не смотря на всю боль, которая продолжала быть со мной, я счастливо встретила Новый год с детьми и родственниками.

ШЕЛ КОЗЕЛ ПО ЛЕСУ

9 января

Как-то в новогодние праздники мы сидели с сестрой и нашими детьми у мамы. Мне написала Люба. Моя подруга. Они с Тamarой (учителем музыки, с которой они сблизились в последнее время), с их дочками и мужьями ездили по до-

мам и колядовали, наряженные и лихие.

«Мы сейчас приедем!». Я не успела отказаться. И они приехали. Румяные, в кокошниках и ярких платьях. Счастливые, громкие, замужние, пьяненькие. Бросали рис, пели песни. Потащили нас в хоровод играть в «Шел козел по лесу, искал себе принцессу». Люба схватила меня за левую руку, и стала яростно поднимать и опускать ее вверх и вниз. У меня чуть искры из глаз не посыпались от боли. Наташа увидела это, и незаметно в суматохе хоровода и частушек, поменялась с ней местами. А потом я незаметно вышла из хоровода и примостилась на стульчике.

Я была рада видеть ее. Была рада, что у нее счастливая жизнь. Но я увидела, что она НЕ ПОНИМАЕТ, что произошло со мной. Я не могу водить хоровод и размахивать руками. Может быть потом, когда-то. Но не сейчас. Мне больно. «Почему не нарядилась? Рождество же! Новый год!» — залиристо и пьяно прокричала она.

Я сидела в серой зипке с капюшоном и на молнии, потому что носить другую одежду пока не могла. Они пронеслись как вихрь и упорхнули. Я сидела и молча собирала рассыпанные рисинки со скатерти.

ТЫ ХОДИШЬ, КАК ЗОМБИ-НАЦИК!

У меня было две недели между «после операции» и до «первой химии». Я была счастлива просто тому факту, что я дома. С детьми. Вот моя кровать, моя ванна, моя кухня. Мой родненький туалет! Мой сын, моя дочь, мой котик.

Когда я приехала после операции домой, Олег бросился обнять меня с разбегу в коридоре. Я инстинктивно отпрянула. Страх, что заденут, толкнут, шов разойдется, я развалюсь пополам. Он осекся. Его большие синие глаза-океаны застыли на миг. В этот момент он понял — что-то не так.

Я пыталась как могла ходить по дому и вести себя как обычно. Но вечером он ревел в голос, уткнувшись в подушку: «Ты ходишь, как зомби-нацик из игры! Тебе больно! Как ты будешь жить? Как МЫ будем жить? КАК?!». Мы поговорили, обсудили, посмеялись. Что всё восстановится (сама не понимаю как и когда), что нужно время, и всё будет хорошо.

Левая рука плохо поднималась. Начала делать упражнения, проводила обработку и перевязки сама себе утром и вечером. Потом первый раз потихоньку почистила и пожарила картошку. Я смогла! Потом потихоньку сварила суп.

Купила серое одеяло-пуховик до пят, чувствуя себя в нем, как в безопасном коконе-палатке. Сын, мой маленький десятилетний мальчик, мне очень помогал. Он резко стал таким заботливым, рассудительным, серьезным. Мы шли в магазин, брали с собой бублик. Закупались. Он вез пакет с продуктами на бублике до дома, заносил в подъезд, помогал мне одеться, раздеться. Смешил меня. Смеяться было больно. Но я была счастлива.

Мне всегда было больно.

Я не была шустрой и подвижной, как раньше. Ночью реве-

ла от боли и пила кетонал. Ощущение скованности, панциря не проходило. Как-то еще в больнице на перевязке я спросила: «Когда это пройдет?». Эти латы и доспехи онемевшей половины тела. Медсестра удивленно на меня посмотрела и сказала честно: «Никогда». К вечеру на меня снова нападали электрические пауки, жалили и дергали меня. Но я была дома, и это была жизнь-жизнь.

СВЯТОЙ ТРУТНИК

Жизнь-жизнь омрачилась двумя событиями. Меня бросил мужчина и пришлось кастрировать кота. События между собой не связаны.

Собственно, терять этого мужчину мне было не жалко. Но было обидно. И, конечно, я ревела целыми днями. От предательства. Когда наши отношения начинались два года назад, все было хорошо, мне казалось, что он старше (на 10 лет), мудрее. Стена, опора, надежный. А потом я стала не ресурсной, уставшей, раздражительной, больной. Мои моральные, физические возможности истощались и таяли на глазах...

Он орал, дико орал. Устраивал разборки, пара мы или не пара. И зачем ему это надо. Он принимал решение, снова приходил, снова орал, психовал, убегал, звонил, говорил мне гадости, какая я плохая и ужасная. На работе создавал какую-то немыслимую историю, что у меня от рака сорвало крышу, я загуляла и выгнала его из дома. Хотя мы никогда не жили вместе, а просто встречались. Он жил с мамой. Мамин «сибиряк». Он был благородным, отверженным рыца-

рем Камелота в белом пальто, а я сумасшедшая больная раком шлюха. Он — великий страдалец, а я — бездушная изменщица и врунья. И я ревела постоянно, мне было обидно и больно. Что я остаюсь одна. Что я калека. У меня нет сильного плеча. Меня бросили.

Лучше всего мне помогала переписка «голосовушками» с сестрой. Её войсы были мне как бальзам на душу. Мой лучший Кашпировский.

На новогодние праздники Стас с братом поехали в православное паломничество. Ночевали в храме, вставали с петухами. Трудились. «Мы здесь труТники!» — гордо говорил он. Я поправляла — не трутники, а труДники, от слова труд, трудиться. «Нет! Трутники! Мы трутники! Это так здесь называется! Ты невежественная, не воцерковленная, не понимаешь». Я пыталась образумить: «Трутники — от слова тру-тень, лентяй, в улье пчел есть трутники, они ничего не делают, только спят с маткой — главной пчелой...». Нет, он настаивал на том, что они не труДники, а труТники. Я не стала спорить. Просто поняла, какое говно собирается под своды храмов.

Они поехали за силой Господней. По приезду благодать божья куда-то рассеялась. Он все еще приходил (зачем я его выпускала?). Садился рядом. Я в технике психологического айкидо «серый камень» сижу на кровати. Птица с перебитым крылом. Мажу подмышку Троксевазином, морщусь от боли.

И он начинает: «Всё началось с одноклассников...». Как будто убеждает себя — я бросаю тебя не из-за рака. И снова про Бога. Всевышний послал мне эту болезнь за мою игривость, отнял грудь, отнимет вторую.

Я уверена, его Бог какой-то неправильный. Как те неправильные пчелы, которые несут неправильный мед. Если Бог такой, и он отнимает грудь у матери двоих детей, то дайте мне сырную тарелку к Кагору, и я пошла отсюда.

А потом Стас резко пропал. Я даже не ожидала. «Всё, я закончил отношения», — сказал он моей Любе, передал ей 1300 рублей на бензин, чтобы она свозила меня на первую консультацию к химиотерапевту.

Не знаю, как это будет, когда я начну пробовать выходить на работу. Будет ли он там, уволится или уйдет в запой.

По статистике 6 из 10 мужчин уходят от женщин, заболевших раком. Кстати, в очередях очень много раковых мужчин, которых водят и сопровождают женщины. Подтирают сопли, уговаривают, успокаивают. А те ведут себя капризно, неблагодарно и некрасиво. Не раз наблюдала такие картины. Есть дочери среднего возраста, которые водят своих пожилых матерей. Но вот чтобы мужчина водил жену, такое я встречала, но редко.

Бедя не приходит одна. Где-то 2 января наш котик Масик начал метить по всей квартире. К концу вторых суток такого

поведения мы с сыном потащили его в ветклинику. После кастрации мы очень сблизились с Масиком. Я ухаживала за ним, надевала и снимала воротник, кормила с руки, гладила и жалела. Мы — два послеоперационных подранка. Он спал со мной. Мы понимали друг друга как никто.

ОДНОПОЛЧАНКА ЛЕНА. СТРАСТЬ-РЕКА

Я поехала на первую химию. Повез меня муж Любы. Она вышла замуж буквально в декабре. Регистрация была в Питере. Мы не совпали в ритмах жизни. Полный рассинхрон. Но дружба наша претерпевала за 15 лет и не такое. Сейчас у нее — счастливый, долгожданный брак, у меня — неожиданный, непрошенный рак.

Отделение химиотерапии в Каменске. Здесь спокойнее и опрятнее, чем в хирургии. Всё уже случилось. Все всё более-менее приняли. Люди лечатся, живут, надеются, улыбаются.

В этот раз мне попалась соседка Лена. 56 лет. Юрист в сфере ЖКХ. Детей нет. Есть кот. Лена любит выпить, покурить. И поговорить. До четырех утра. В 45 лет у нее случилась любовь-страсть. С женатым мужчиной. С ним же 12 лет гостевых, приятных, страстных отношений. Они присматривались друг к другу полгода. Между ними пролетали искры. И как-то они выбрались на пикник. Летом. Вошли в воду, и их бросило друг к другу в объятия. Вода вокруг словно горела огнем. Страсть накрыла их с головой, и они оба охренели от того, что такое бывает в жизни.

Рак трахеи 4 стадии размером с куриное яйцо. Выпира-

ет и можно потрогать. Курит через каждые 20 минут. Пьет кофе и добавляет туда коньячок. У нее пятый курс химии. Она уже лысая. Сколько курсов всего, не знает. На этот вопрос врач Брасов говорит: «Много». Это значит, что у Лены — паллиативный статус. Временно облегчающий, но не излечивающий.

Вообще, врачи немногословны. Молчат как партизан перед врагом. Чем меньше вы знаете, тем лучше. Если сами не спрашиваете, то вообще не узнаете ничего о своем раке, лечении и прогнозах.

Если вы читали в интернете рекомендации, как важно выбрать врача, как важно составить список вопросов, которые нужно задать на консультации у онколога... Забудьте. В системе оказания медицинской помощи по полису ОМС — ПОТОК больных. И времени на душевные беседы и список вопросов тут нет ни у кого.

Я как-то быстро смирилась с этим. Всё равно тебе дадут выписной эпикриз и там всё распишут. Поэтому старалась проскочить всегда быстро. Всё по делу, без лишних слов. Не тратить ничье время. До свиданья, следующий.

К примеру, КТ с контрастом мне сделали за день до операции. А результаты я узнала спустя месяца три. Кроме рака груди в заключении написано: «неспецифический узел в правом легком». Возможно, у меня метастазы. Но никто не говорит со мной об этом. Сейчас меня лечат. Если это тоже

рак, химия должна прибить раковые клетки.

Я восхищаюсь заведующим хирургией Орловым. Он на протяжении 40 лет оперирует день и ночь, лавирует от вопросов на обходе, разговаривает с пациентами с юмором, мудро, обходительно, «флиртовое».

Пациентки всех возрастов влюблены в него. Особо пытливым он даст внимание, поддержку, пошутит, поднимет настроение. Но о своем диагнозе вы не узнаете ничего. Хотя вам будет казаться, да, я поговорила, я узнала.

Мне кажется, он за четыре десятка лет обрел супер-способность. Он смотрит на пациента, а над его головой светится экранчик с бегущей строкой: «Галина, 68 лет. Рак кишечника. До смерти — 7 лет. Умрет не от рака». Если он знает, то не будет делиться этим знанием. Зачем, если можно прожить эти 7 лет, не зная и радуясь жизни, как будто осталось не 7, а 17 лет.

Соседка Лена с раком трахеи 4 стадии забавная. Она разговаривала со своим раком, называя его «мой мальчик», поглаживая его. Просила его поспать, не просыпаться. И вместе они проживут еще долго-долго. Но режим у нее сбит капитально. Лена страдает бессонницей, засыпает под утро, спит до двух часов дня. Поэтому я слушала ее истории боевой молодости про то, как никогда у нее не было отбоя от мужиков.

Про травмы детства, про мать, которая ее не любила, а

любила сестру. Про любимого кота, который сожрал все ее цветы и ободрал обои. Но дает ей силы жить. Она живет ради него. Эффект попутчика в поезде. История страсти-любви и воды в огне меня впечатлила. Я тоже так хочу.

С капельницей я ходила примерно сутки. Вливали первую химию очень медленно. Ходила с этой вешалкой на колесиках в туалет, и вообще она мне не мешала. К вечеру у меня опухли ноги и пальцы рук. Горело лицо. Меня начало рвать. Мне ставили какие-то поддерживающие уколы.

Лена выписалась. В палату заехали три бабушки 80+. Все трое глухие. Но любят громко поговорить. Одна бабуля очень сокрушалась, что ей отказали в операции. Рак кишечника, две большие опухоли размером с кулак. «Вы помрете на операционном столе!».

Честно говоря, я не представляла, как они перенесут химиотерапию, не то что операцию. Но оказалось, бабушки, которые пережили голодные послевоенные годы, переносят химию лучше молодых. В трудные времена они ели похлебку из картофельных очистков, кисель из клея с уксусом, чай из крапивы. Закаленный организм, по-другому устроен, стойкий. Зверская выносливость. В нем вшит какой-то немислимый ген «выживаемости», опция «я всё переживу и выдержу».

МАСИК В СТРЕССЕ

15 января

Я приехала домой. Чувствовала себя вполне сносно. И уже подумывала, ну что, пора выползать на работу? И тут меня накрыло.

Кости таза и ног ломило. Заболело горло. Из носа пошла кровь, кровавые сопли. Глаза слезились. Уши заложило. Мне казалось, я глохну. Тошнило и рвало. Рвота — это вообще моё всё. В любой непонятной ситуации я начинаю блевать. Еда и вода стали отвратительны.

Одновременно с моим накрытием накрыло кота Масика. Он блевал, ничего не ел, не мог пописать и иногда орал. Цистит или что похуже. Выглядел совсем плохо. Ночью я блевала в ванне, он блевал в коридоре. Мы лежали в коридоре и тяжело дышали. Он умирал. Я умирала. Мы умирали вместе. Я боялась, что он не переживет ночь.

Утром моя мама героически понесла его в ветклинику. У нее случился полный разрыв шаблона. «Моя дочь больна раком и погибает от химиотерапии, а я стою и держу кота, чтобы ему побрили пузико и сделали узи за пять тысяч рублей». What?!? Масика после узи оставили в ветклинике до вечера под наблюдением и поставили капельницу.

В смешанных чувствах, моя бедная мама пришла домой и сказала: «Маша, выбирай, кого мы лечим, либо тебя, либо кота». На приеме ветеринары сказали ей, что у Масика стресс. На фоне того, что хозяйка уехала на три дня из дома. «Шотландцы очень нежные. Елку поставили — стресс. Елку

убрали — стресс». Жесть. Масик в стрессе. Спазм, закупорка, интоксикация.

Мама и сестра были в полной решимости — усыпить. Ради Олежика я взяла себя в руки, закидывалась таблетками и несколько дней подряд в химическом полуобмороке занималась котом, отвозила и забирала его в переноске до клиники и обратно. Кажется, из-за этого у меня и разошелся шов. Мне нельзя поднимать ничего тяжелее двух килограммов.

Стас тогда отказал мне в помощи («Это твоя кошка! Всё на меня свесили! Я не двуличный! Мне это нахер не надо!»).

Когда Олег был не в школе, он помогал. Капельницы, катетер в лапе, катетер в кошачьей писе, памперсы, воротник, кормление, поение, лекарства из шприца без иголки в ротик. Специальный корм, антибиотики, капли антистресс. Про деньги я молчу. Внезапно мне перевел 5 тысяч брат Андрей. Они с женой кошатники (вернее, жена), он знает эти проблемы не понаслышке. На работе у Вити Космоса (начальника производства) и Оли (менеджер по оптовой продаже) был порыв, они перевели мне 6 тысяч, не зная про Масика в стрессе. Вот тебе «дал зайку, дал и на лужайку». Не такой уж и злобный Бог, не только грудь отнимает за то, что улыбаешься мужчинам. Еще помогает спасать Масиков в стрессе.

Я вылезала из такси с переноской. Блевала на снег. Сморгалась кровью. Тяжело дышала. Шла с жгучей болью в груди

и несла кота на лечение. Ждала. Снова блевала. Вытирала слезы. Кровавые сопли. Снова вызывала такси... И так каждый день. Как-то попался вредный таксист. Я села с переноской в машину, еле дыша, чувствуя, как огнем горит мой шов.

— А вот вы вызвали такси, да? А почему не указали, что перевозите животное? А если аллергия, примеру, у водителя? А если он задыхаться, к примеру, начнет? Вы подумали об этом?

Масик неподвижным безмолвным камнем лежал в переноске, в памперсе, воротнике, с катетером в лапе и писе, я еле сдерживала рвоту и утиралась носовым платком, пропитанным кровью. Хотелось сказать: «Мальчик, водочки нам принеси, мы домой летим».

Я думаю, что Масик забрал у меня часть побочных от химиотерапии. И я должна спасти его за это. Вот бы кто меня из цистита выводил за 15 тысяч рублей. Моя схема в этом случае проста и сурова. При первых симптомах я бегу в аптеку, покупаю порошок Монурал, выпиваю и утром иду на работу.

Очень надеюсь, что это разовый «Масик в стрессе». Мне еще 17 раз придется уехать на химиотерапию из дома. Я поговорила с ним по-кошачьи. Объяснила ситуацию. Вариантов у нас нет, Масян. Как только ты дашь слабинку, так сразу тебя загребет Наташа и усыпит к монахам, как говаривала бабушка. Так что не впадай в стресс, будь мужиком. Даже без

яиц. Я лечусь, и буду уезжать, но всегда буду возвращаться. Крепись, братан.

Масик выпучил свои желтые, медовые глаза. Пару раз жалобно мяукнул. Спать лег рядом на подушке, положив свой хвост мне на голову как ободок.

11-й день после первой химии. Волосы на месте. У меня еще неделя до второй химии. Вполне адекватное состояние, если не считать кровавого насморка. Может попробовать выйти на работу? Может, сходить к Любе на день рождения? Я читала на форумах: «У вас будут хорошие дни, когда вы будете в силах. Ловите их, успевайте, живите ими».

Я хочу выйти на работу. Хочу попытаться. Смогу ли я. Что тебя пугает, останавливает? Стас? Если он там, то встретиться с ним неизбежно. Волосы? Если им суждено выпасть, они выпадут. Это тоже неизбежно. Коллеги, косые взгляды, вопросы? Это неизбежно. Так что тебя останавливает? Деньги не возьмутся из ниоткуда. У тебя дети. Вставай и иди работать.

Я боюсь. Вдруг у меня не получится. Разрыдаюсь при всех. Не смогу выровнять камень, подвинуть его, поменять иглоку на станке. Увижу Стаса. Он скажет мне что-то гадкое. Но вариантов нет.

ПОБОЛТАЛИ С ДОНЦОВОЙ НА КУХНЕ

18 января

Конечно, мне нужны были книги. Журналист собирает информацию.

Первым делом я заказала и прочла книгу российского символа борьбы с раком груди — *Дарьи Донцовой «Я очень хочу жить. Мой личный опыт»*.

Просто, легко. Никакой классической драматургии. Интересно, иронично. Хронология событий рассыпана бисером, сумбурно, женственно. Как всегда жизнеутверждающе.

«...мне стало очень жаль себя. Ах, бедная Грушенька! И тошнит ее, и шов болит, и рука плохо поднимается, и волос теперь нет... Как жить дальше?»

Внезапно жалость сменилась на злость. Именно жить дальше! В любом состоянии, с тошнотой, лысиной и неработающей рукой! Только теперь пришло понимание того, что имел в виду доктор Грушев, предупреждая меня:

— У вас будет иное качество жизни.

Но ведь я не умерла, мои дети не плачут на могиле матери, нужно не жалеть себя, а радоваться. Нечего завидовать здоровым людям. Я тоже буду здоровой!

Я топнула ногой и сама себе показала кулак. Хватит, милая, ныть! Ты дышишь, двигаешься, давай-ка выходи на работу, ученики заждались, нечего из себя инвалида корчить. Всё будет хорошо, волосы вырастут, рука поднимется. Вперед и с песней на службу».

Донцова утверждает: «Онкология — знак того, что человек жил неправильно».

Первые симптомы Дарья обнаружила в отпуске 1997 года. РМЖ 4 стадии. «Вам осталось жить 3 месяца». В течение нескольких лет женщина боролась за свою жизнь. Бесконечная череда обследований и анализов, четыре операции, 18 курсов химиотерапии. И болезнь отступила.

Мне понравилась книга, прочитала, будто поговорила с подружкой на кухне. *«Рак — не приговор, а возможность изменить свою жизнь. Только заболев, понимаешь, как счастливо ты жила, когда была здоровой. Мы все устроены одинаково. Если я справилась с онкологией, то что мешает вам победить болезнь?»*.

Но давайте будем честны. Донцова — точно не одна из нас. Известная семья, творческая интеллигенция, элита, друзья профессоры институтов, литературные корни в родословной. Но ее любят и всё равно считают своей. И да, я согласна, блат и связи не помогут, если ты сам не борешься.

КНИГИ О РАКЕ ГРУДИ

20 января

Мама скинула мне подборку книг о раке груди, которые вышли в 2023 году на русском языке.

«Поговорим о раке груди. Полное руководство для онкопациентов и их близких». Авторы: профессор Триша Гринхальх и доктор Лиз О, Риордан. Очень крутая книга. Большой справочник и много той информации, которой так часто не успевают делиться врачи. Триша и Лиз — врачи, которые сами как пациентки пережили рак груди.

Конечно, всё написано с точки зрения британских порядков в плане организации лечения. Там после мастэктомии Триша поехала домой. А вечером следующего дня в красивом платье пила вино за ужином в ресторане с близкими.

Полезная, максимально информативная, настольная книга по сей день.

Надежда Мелешко «Утро наступает всегда». Жуткая книга с запахом смерти. Рак в 32 года вонзил в нее свои когти без шансов и пригвоздил ее. Книга оставляет осадок и страх крадется по спине. На книжных полках книга появилась после смерти автора. Поэтому если у вас есть диагноз РМЖ, но нет паллиативного статуса, то лучше, наверное, не читать.

Надя — современная блогерша. Гламурная «путышка» на первый взгляд. Муж — известный хоккеист из Беларуси. Двое маленьких сыновей. Вела блог. Лечилась в Германии. Ремиссия. Рецидив. И полная жопа.

Большая часть книги — принятие судьбы. Аффирмации, гипноз, медитации, йога, психологи, экспериментальные препараты для химии. Не помогло ничего. Я не знаю, как это работает, но обреченность — в каждой строчке.

«Подруга Маша сказала: „Не вздумай продавать свои вещи. Ты будешь их носить, когда поправишься“. И я ей поверила».

Зря.

«Муж сказал: «Ты поедешь лечиться в Германию. Да, у нас нет денег, но мы продадим дом, машину, вообще всё,

чтобы только тебя спасти. Мне ничего этого не нужно без тебя».

Зря.

«Я не верила до конца, успокаивала себя, что диагноз — это просто страшный сон».

Зря.

«Поэтому новое лекарство, эти маленькие упаковки космической стоимости, ждала с большим оптимизмом».

Зря.

Глава 23. «Идеальные похороны: честный разговор о смерти». «Знаете, ведь не зря говорят, что рак — гуманная болезнь. Она забирает медленно. У болеющего человека и его близких есть возможность подготовиться, попрощаться, попытаться принять эту реальность...».

В этой главе Надежда планирует свои гламурные похороны и обсуждает детали с подругой: цвет гроба (молочный оттенок слоновой кости), белые пионы в вазах.

Последние строчки книги: «Я благодарна Богу за каждый прожитый день и говорю себе — утро наступает всегда».

Не всегда.

Кристина Сандберг «Одинокое место». Эта книга более всего оказалась близка мне по духу. Шведская писательница, 44 года, рак груди 3 стадии. Операция, химиотерапия, гормоны. Рак — никогда не только медицинская история. Лечение затрагивает всю семью (две дочери, муж). Меняют-

ся отношения с друзьями, работа становится на паузу. Но жизнь идет, и никто не отменяет все остальные проблемы, с которыми человек сталкивается в обычной жизни.

У Кристины умер отец, и они с сестрой пытаются привести в порядок огромный дом бабушки и дедушки, в котором последние годы жил папа.

Сандберг откровенна. Воспаленное влагалище, потрескавшиеся ногти. Неловкие и обременительные разговоры со свекровью, родственниками и малознакомыми людьми.

У Кристины наступила ремиссия, но это не принесло ей желанного облегчения сразу — ни в физическом, ни в психологическом плане. Окружающие не понимали, почему она не ведет себя как раньше? Волна неприятных разговоров...

Название книги взято из письма Йенни Тюнедаль: *«Болезнь, должно быть, очень одинокое место»*. Да. Так и есть. Именно.

Швеция — это же родина моей любимой Астрид Линдгрэн, это уютная культура хюгге. И Кристина такая женственная, тревожная, трепетная, уставшая, нежная. Вуаль меланхолии, элегантность, утонченность.

Сюжета нет. Это больничный дневник, воспоминания о детстве, мучительные размышления о хрупкости человеческого тела, страх за своих близких. Но прежде всего, о том, что болезнь делает человека бесконечно одиноким.

«Это ужасно, что самое одинокое место — это когда я вместе с другими, с теми, кто меня не понимает».

КАМНИ ЕСТЬ, ПРИХОДИ

23 января

Волосы на месте. Выпадают, но очень деликатно и неторопливо. Если дергать по одному волоску, выпадают легко, без боли, как из масла. Да и хрен с ними! Когда-когда... Когда надо, тогда и выпадут.

Я собралась на работу завтра. У меня есть неделя в адекватном состоянии до следующей химии. Написала Гоге, вкратце описала режим жизни на год. Ответил, как красавчик: «Сурово. Камни есть. Приходи».

Сегодня на улице тепло. Я сходила погулять в лесок за «Пятерочку». Тропинки, сосны. Сквозь них — храм Владимира Равноапостольного. В утренней тишине звонили колокола. Идет какая-то служба. Я не пошла в храм. Моё впечатление и отношение к Богу испорчено Стасом.

Но мысленно помолилась своему Богу: «Милый Бог, пожалуйста, помоги мне выйти на работу завтра и справиться со своими обязанностями. Дай сил вынести взгляды, вопросы людские. Заткни варежкой своей господней рот Стасу, отведи его от меня, пусть не приближается ко мне и не смотрит в мою сторону. Пусть физически и морально у меня всё получится. А если не получится, дай сил это выдержать и не зареветь на весь цех. Аминь».

Для пущего решительного настроения мне нужны были головушки от моей земной и конкретной старшей сестры На-

таши.

«Маша! Ты думаешь о фигне! Ты глупенькая. У тебя сверхзадача — выжить любой ценой. Ради детей — Дашеньки и Олежика. Ни одну секунду не думай о других людях. Ни о том, что скажут или подумают. Не бойся никакого Стаса. Тебя предали, швырнули на произвол судьбы, на обочину дороги подышать без средств к существованию. А ты еще переживаешь, что он скажет, как себя поведет. Ты вообще в любой момент, на любой его выпад можешь сказать ему «Пошел ты на х..!».

Аминь.

НЕ ПИРОЖКИ ПЕЧЕМ

Я проработала в этой сфере лишь год. Это был трудный год. Не всё получалось сразу. Но, кажется, я справилась. В это время во мне расцветал пышным цветом рак груди. Я уставала чрезвычайно. Но старалась. Пыхтела. «Дорогу осилит идущий» — сказала хозяйка фирмы Ирэна Генриховна. Я настроилась «осилить». Время собирать камни [14].

Я не боялась портретов покойников. В кабинетах школы тоже висят портреты покойников — Эйнштейн, Пушкин и Коперник. Не верю в страшилки. Есть много мифов о работах ритуальной сферы. К примеру, фото умершего несет негативную энергетику, забирает силы. Но ведь на фото человек еще жил. Значит, я делаю портрет с фотографии того, живого человека. Каменная стела — чиста и девственна. Никакой энергетики не несет. Это потом она уедет на клад-

бище. Будет покрываться морозным инеем и вороны в ночи будут каркать над ней. А сейчас это просто чистый отполированный камень.

Бывают, конечно, курьезы. Неприятные лица на фотографиях. Накатывает необъяснимая жуть. Виснет компьютер. Отключается свет. Гаснет бесперебойник. Останавливается станок. В гравировальный цех залетает птица. Садится на монитор, смотрит, как колотится портрет. Бьется сверчок под камнем. Станок грохочет, а он не улетает, сидит там, как прилепился. Мы не знаем, отчего умер человек. Лучше не фантазировать. Не заглядывать. Жил и умер. Все там будем.

Есть миф, что некая сущность оберегает работников ритуальной сферы. Думаю, речь об эгрегоре. Понятие, термин и концепция в оккультизме и эзотерике, означающее нефизическую сущность, групповое биополе. В научной среде считается маргинальной антинаучной теорией.

Так что я не парюсь. Допускаю, что работа на границе двух миров дается людям с более высоким уровнем наработанной кармы. Или для отработки непроработанной. Не в плане наказания, а для большего понимания жизни. Человек больше понимает, соприкасаясь со смертью.

Мне нравится, что каждый новый заказ — новое лицо. Много творчества. И ты создаешь портрет на камне! Картину рукотворную, которая простоит десятки лет на кладбище. К нему, этому портрету будут приходить родственники, навещать как живого. Для них это будет очередная встреча с

покинувшим этот мир близким человеком. Это завораживает.

Раньше я думала. Вот, люди трудятся в ритуальной сфере, вокруг памятники, похороны, гробы и венки, фотографии покойников, эпитафии. Наверное, там работают печальные, как рыбасолнце, люди. Оказалось, там трудятся самые веселые на свете люди. Очень много черного юмора и позитива.

Ирэна Генриховна говорит, что мы приносим радость людям, не пирожки печем, а память создаем. Юрий Малыш (самый молодой из ретушеров) при этом напевает «Смех и радость мы приносим лююююдям!». Иногда мне кажется, Юрий не шутит, а тупит. Получается смешно. К примеру, прибегает менеджер по розничным заказам Алиса, замученная заказчиками со словами: «Ох, столько народу сегодня, идут и идут, совсем озверели». Юрий, медленно выпуская дым колечками и стряхивая пепел говорит: «А что, у них кто-то умер?».

Сначала я была немного шокирована черным юмором. Как так можно? И, когда коллеги говорили, «там твоего уса- того не приняли» или «иди яйцеголового ярче покрась», я возмущалась. Нельзя так о покойном! Он же человек! Про- жил жизнь! У него есть мама и папа. И дети. И вообще.

Спустя год я успокоилась совершенно. Гога предлагает ретушерам заказ — очень нелицеприятной внешности аутист. С зубами и глазами — катастрофа. Мы перекидываем заказ как горячую картошку. Уговариваем Юрика: «У тебя полу-

чится, ты таких всегда красиво делаешь!». Лишь бы спихнуть заказ.

— Маша, возьмешь?

— Спасибо, мне своих уродов хватает!

Фотографии на портретные плитки от одного постоянного оптовика — это что-то. Где они берут эти фотографии? Из какой сгоревшей деревни? Прости меня Господи.

Юрик открывает заказ. Смотрит на фото, напевая: «Самбади ванс толд ми зэ ворлд из гона...». Бабушка похожа на Шрека.

Алина открывает заказ со словами: «Это че за мясник из хоррора?».

Пескоструйщик (набивает «фио» и даты на стелах) Грехман забирает со станка готовую стелу с портретом мужчины с усами и в шляпе. И поет:

Я как Чак Норрис

Я очень крутой

А ты не хочешь

Дружить со мной! [15].

Лица покойников часто на кого-то похожи. На актеров, знакомых людей. Даже на коллег. Мы ищем сходство произвольно.

Гога — наиболее уважительно относится к умершим. Он делает сложный эскиз комплекса. С ротондой. Заказчица достала его с этой проклятой ротондой. Приходит в восьмой раз с правками. Сидит, говорит, говорит. Гога кивает. Ей

невдомек, что он глухой. Когда она приходит и садится рядом, он снимает аппарат с уха. Они сидят, она что-то ему втирает два часа. Она уходит. Гога выдыхает, откатывается на стуле от ненавистного эскиза и уходит курить, напевая:

— Ротоооонда, горная ротонда! Наших встреч с тобой синие цветы... [16].

Я коллекционирую интересные эпитафии. Особый вид литературного искусства. Лучшие аффирмации, чтобы помнить. Стандарт — любим, помним, скорбим. Или просто любим, помним. За каждую букву пескоструя надо платить. Можно сэкономить на «скорбим». А может, никто и не скорбит. Но любит и помнит.

Редко, но бывают оригинальные эпитафии. Один раз мне попался заказ с эпитафией «Акуна матата!». По-моему шикарно. Жизнь без забот! У Алины был заказ с эпитафией «Нас не догонят!». Тоже хорошо.

Мне нравятся литературные эпитафии.

«Берегите в себе человека». Антон Чехов.

«Только смерть непоправима». Эрнест Хемингуэй.

«Разум бессилен перед криком сердца». Альбер Камю.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГЕРОИНИ

26 января

Прежде чем я расскажу о первом дне работы (на 46-й день после операции), поделюсь с вами интересным лирическим отступлением и открытием.

Я писала, что буду искать ОТВЕТЫ. Вопрос «Отчего у нас

рак?» остается риторическим. Куча версий, исследований, мифов. Ответа нет. Ни у врачей, ни у ученых. Спасибо психологам, которые в голос говорят, что первое, что вы должны сделать — не винить СЕБЯ за то, что у вас рак. Вы не виноваты.

Я учусь на онлайн-курсах «Сценарное мастерство» и недавно дошла до лекции про теорию Морин Мердок «Путешествие героини». Так вот, кажется, я нащупала ответ на вопрос «отчего у нас рак». Истина где-то рядом, это точно.

Путь героини идеально ложится на женщину с раком груди.

Поразительное совпадение. Я даже загуглила, не болела ли сама Морин Мердок, юнгианский психотерапевт, раком груди? Нет, не болела.

Небольшая вводная. Сначала была теория Джозефа Кэмпбелла о Пути Героя. А уж потом его ученица Морин Мердок опубликовала книгу «Путешествие героини: поиски женщиной целостности». Мердок заявила, что путешествие героини — это исцеление раны женственности. А что как ни грудь и волосы — символ женственности?

Короче, ее книга произвела фурор и была опубликована на семи языках. А вот учитель Джозеф отверг модель, заявив, что это ненужное расширение его шаблона. Он писал, что женщине не обязательно отправляться в путешествие. Она уже там, где должна быть. Она — станция, точка на пути Героя, важный этап. Во всех мифологических традициях

присутствует женщина. Она просто есть. Всё, что надлежит ей сделать — это осознать, что она и есть то место, которого все желают достичь. Когда женщина поймет, что представляет собой ее чудесный образ, она перестанет стремиться быть псевдомужчиной.

Но послушайте, не пахнет ли это синдромом Смurfетты? В мультике про синих гномиков, Смurfиков, у всех персонажей есть какая-то характеристика, свойства, пусть то хитрость или находчивость. А любая Смurfетта — просто девочка, у нее нет другого свойства... Эта страшно, правда?

Теорию Пути Героини уважают психологи, теоретики и практики драматургии. Она обобщает опыт и большой массив произведений, которые издавались последние 150 лет.

В эти 150 лет роли и возможности женщины изменились. Для нее открылись варианты, которых раньше не было. Мужчина мог стать воином, путешественником, маркизом. А женщина могла изменить свой социальный статус только одним способом — удачно выйдя замуж. Поэтому есть «Золушка» — главная история, мечта и архетип. Кроме «Золушки» есть еще один вариант, как добиться успеха — притвориться мужчиной. Жанна д'Арк. И много архетипических историй о женщинах, которые отправляются в мир мужских ценностей. Сейчас, слава Богу, чтобы добиться успеха, нам не надо выходить замуж или притворяться мужчиной...

Не буду описывать станции круга Пути Героини Морин Мердок. Скажу главное, что связывает ее теорию и рак гру-

ди. Когда Героиня проходит все станции этого круга, она приходит в точку архетипа «Гермафродит». Этот образ — существо, сочетающие в себе и мужские и женские черты. Героиня становится хозяйкой двух миров — в метафорическом смысле, и мужчиной, и женщиной. При раке груди, она очень похожа на гермафродита (лысая, без груди). И рождается заново. Пройдя дорогу испытаний, у Героини начинается духовный процесс воссоединения с женским началом, возвращение к себе обновленной, перерожденной, к новой женственности.

Неужели природа-мать швыряет в женщину рак груди (или женщину в рак груди), чтобы пробудить в ней новую сверхженственность 21 века? Лишая для этого перехода ее главных атрибутов женской красоты — груди и волос... Не слишком ли жестоко? (попахивает карающим Богом Стаса).

Мердок в 90-е годы (не так давно) работала в качестве терапевта с женщинами в возрасте от 30 до 50 лет и слышала оглушительный крик неудовлетворенности их собственными успехами в карьере и бизнесе. Эта неудовлетворенность описывалась как ощущение стерильности, пустоты и расчленения, даже предательства своей женской натуры. Эти женщины приняли стереотипы мужского героического путешествия, достигли научного, художественного и финансового успеха и были глубоко несчастны. «Зачем мне всё это?». Погоня за успехом оставляла этих женщин выбитыми из колеи, опустошенными, **страдающими от заболеваний, связан-**

ных со стрессом (в том числе, онкологией) и недоумевающими, как они получили все эти побочные эффекты?

Это было совсем не то, на что они рассчитывали, получив достижения и признание. Их образ успеха совершенно не подразумевал принесения в жертву души и тела.

Мердок пришла к выводу, что причиной, из-за которой женщины испытывают так много боли, является их решение следовать модели существования, которая совершенно не учитывает, а более того, просто отрицает их истинную природу и самость.

Поэтому, держите рак груди. Трансформируйтесь. Он вернет вам самость и женскую суть. Согласитесь, в этом что-то есть...

Может Джозеф был прав? И лучше нам оставаться безликими девочками-смурфеттами? И быть станцией для Пути Героя? Но где эти Герои? Герою важно «а сосок-то останется?» и они решают: «Я закончил отношения».

Рак вернет вам самость и женскую суть?! Сверхженственность? Ха-ха! Не смешите меня. Я стою в ванне голая и смотрю на свое изуродованное тело. На плоскую с левой стороны часть туловища с уродливым, незаживающим шрамом от солнечного сплетения до спины.

Стас был прав. «Никто на тебя не залезет». У меня никогда больше не будет ни мужчины, ни секса. А если забрезжит какойто роман, то Герой спросит: «Маша, почему ты такая

жестокая?». Я распахну рубашку, пуговицы с треском отлетят, и я скажу: «А потому что у меня НЕТ сердца!». И он увидит вместо левой груди шрам.

ЗАТО ЖИВАЯ

29 января

Это был удивительно добрый день.

С утра совершенно передумала ехать на работу. С ума сошла? Какая работа? Но я поехала. Данко и без сердца освещал путь людям. Еду в такси светить на работе. Дрожу всеми поджилками. В машине играет музыка. Всегда обращаю на это внимание. Знаки и скрытый смысл. Мумий Троль мурлычет «Такие девчонки».

Эти новости здесь никогда не закончатся

Аааа... твои повести не донпишутся

Струны рвутся клочьями... Стихи

Творятся странными... Накануне

Сезон цунами...

И это город останется также загадочно любим

В нем пропадают... такие девчонки...

Нам оставаться... ночевать в нем одним...

Скоро весна, «сезон цунами» — новый сезон установок, горячая пора. Каким он будет? Может, всё будет хорошо? Силы вернутся ко мне? Буду работать, как раньше?

Витя Космос увидел меня в цехе, обнял, заплакал и сказал, что очень рад видеть.

Космос — потому что носится как ракета по нашей базе,

решает миллион вопросов и дел в минуту, держит руку на пульсе непрерывного производства. Ему немного за 50, но юношеского задора, как у 20-летнего. Пошлый юмор. Любой разговор по работе он может внезапно закончить фразой «Ну, раз мы уж заговорили о сексе...».

Когда я смазываю полозья станков, он, пробегая мимо, расскажет прибаутку про своего мастака из техникума, который говорил: «Женщина любит ласку, а станок — смазку!». Я игриво подыграю: «И наоборот». И он будет счастлив.

Смотрит на портреты молодых женщин на памятниках, искренне сокрушаясь: «Вот ей бы еще трахаться и трахаться!». Или спрашивает у коллег мужского пола «Вдул бы он или не вдул?». Если портрет мужской, спрашивает коллег женщин «Дала бы или не дала?». Может подраться. Часто ходит с синяками под глазами. Может и наорать. Это очень страшно. Вы замрете. И не сразу отомрете. Но я знаю, он на тебя наорет, но он же тебя и спасет. Не раз так и было.

В жизни Вити накануне нового года произошла ужасная трагедия. В январе он похоронил старшую дочь. Она ехала домой 31 декабря из Екатеринбурге домой, в наш Минералдар, к дочкам-двойняшкам, к родителям, встречать Новый год. Случилась жуткая авария. Я не знаю горя страшнее, чем хоронить своего ребенка. Бедный Витя.

Мы видим лица покойников каждый день. Фотографии, портреты. Но это проходит мимо нас, не трогает. В ритуаль-

ном доме — каждый день по 4—5 прощаний. Мы привыкли. К венкам и гробам. Ведь это не с нашими близкими. Не у нас. Не в нашей жизни. Это не мое горе, чужое.

«Машенька, всё будет хорошо, всё будет хорошо», — повторял Витя Космос и плакал. — «Зато живая».

Эту фразу «Зато живая» он будет повторять еще много раз. Она будет оживлять меня.

Хоть какая, без груди, без волос, с приливами, хронической тошнотой, уставшая, разбитая от непрекращающихся химий. «Зато живая». И это будет ставить мне мозги на место и придавать сил. Да, я живая. Мне повезло. Зато живая.

Гога как всегда нейтрален. Как будто всё, как прежде. Никакого рака не было. Я такая же коллега, как и раньше. И он не даст мне спуска за неудачные портреты только из-за того, что я лечусь от рака. Вот еще. Благодарна ему за это.

Пескоструйщик Грехман со своими шутками и прибаутками. «Ооооо, какие люди! Дай пятаюню» и указал на гору камней в моем отсеке, на которые он уже нанес фио, даты жизни и смерти покойников: «Давай уже, как-то разбирайся со всеми этими делами. Я в тебя верю» и подмигнул.

Менеджер по розничным заказам Алиса обрадовалась и рассказала мне на бегу историю про свою маму, у которой в 40 лет был рак груди. Грудь отняли, провели лучевую терапию и «Она мне еще до 80 лет мозг выносила!».

Написала Артуру, системному администратору, чтобы дал мне доступ в 1С-ку к заказам. «Хорошие новости! Как самочувствие?». Оказывается, ему дали крупную рулежку, теперь он руководитель нашей базы.

Артур классный. Молодой и громогласный. Интеллектуал и умница. Высокий и кудрявый добрый молодец. Красив, как трубадур. Чувство юмора — двести баллов. Он производит впечатление мальчика из «золотой молодежи», образованного, выросшего в богатом доме при богатых родителях. Словно у него были гувернантки и репетиторы, иностранные языки и конный спорт. В каникулы — тур по Европе. За окном — бассейн и гольф со стриженным газоном.

Харизматичный, начитанный, прекрасная речь. Очень представительный парень и умеет себя подать. Как-то в журналистскую свою пору я поехала на задание — писать об открытии ритуального дома фирмы «Вечный огонь». Съехали все тузы ритуального бизнеса области. Туфли балдинини, часы ролекс, машины бизнес-класса. Юноши — сыновья и наследники бизнесов, которых взяли с собой на тусовку. Так вот, они все типажа Артура! Но оказалось, Артур из очень простой и далеко не богатой семьи. Простые родители. Мама работала уборщицей. Про папу ничего не знаю. Кажется, пил. Искренне желаю Артуру, чтобы у него всё получилось. И он не зачерствел в этой новой рулевой должности и не ссучился в этом «Вечном огне».

В общем, я потихонечку подготовила ретуши в фотошопе. Не спеша, спокойно запустила на станках два портрета на каменных стелах. Завтра буду красить и чистить. После обеда заболела рука и подмышка. Выпила кетонал. Нормально, нормально. Я смогу. Это как первый раз пожарить картошку. Сварить суп.

Сделать портрет на камне.

Где-то в середине дня меня увидел Стас. Оторопел. Застыл посреди цеха, как соляной столб. Будто увидел привидение. Не ожидал меня здесь увидеть. Был не готов. В его напуганном взгляде читался страх «Она вышла? Как? Ведь я придумал другую историю и распространил ее тут, на работе. А она взяла и вышла». Из загробного мира.

Он похоронил меня. Был уверен, что я уже никогда не выберусь из рака и не вернусь к работе.

Это удивительно. Целый год я считала его моим защитником, правильным и праведным. Вокруг были враги и вражины. Стас видел в каждом угрозу. Вот его перевернутая картина мира и взгляд на моих коллег — ретушеров.

Ужасная Алина (ученица, с которой мы одновременно пришли осваивать профессию ретушера-гравировщика) может стать мне подругой и потащит меня на молодежные вечеринки, где я смогу познакомиться с молодыми друзьями ее мужа. Лишенный эмпатии Вахит (самый опытный ретушер, у которого портреты светятся на камне, на него молится

вся контора) близок мне по возрасту и у нас дни рождения в один день, а это неспроста. Гога слишком тесно со мной общается. Юрий молодой, и я слишком часто выхожу покурить с ним и слишком часто смеюсь над его шутками. Меня надо изолировать от них, от всех, не дай Бог я начну нормально с ними всеми общаться, не дай Бог дружить.

А всё было наоборот. Он мешал мне общаться с коллегами, быть открытой и веселой, улыбаться кому захочу. За каждое проявление дружелюбности к коллегам я получала по башке. Приглядитесь к врагам и защитникам. Быть может, они не те, за кого себя выдают.

Как-то Малыш Юрий купил всем энергетики. Я вышла с недопитой банкой и села в машину Стаса. Был скандал. Разборки. Что «мальчик — молодой красавчик покупает девочке газировочку, а ты, дура и шлюха, принимаешь!». Я была наказана на все лето. Ретушировала дома фотографии покойников, а он купался и загорал на даче один.

ВОЛОСОПАД

30 января

Сегодня я устала. Ноги выкручивает. Выпила диклофенак. Вокруг шрама всё опухло. Намазала троксевазином. Замоталась эластичными бинтами.

Стас на работе со мной не здоровается. Демонстративно пролетает мимо.

Кажется, началось. Я про волосы. Провожу рукой по волосам, и они тянутся и остаются клоками на ладони.

31 января

Выпадают. Мощно. Пряжами. Пока пытаюсь удержать их в хвостике.

Вечером к концу рабочего дня, забыв обо всем, почесала голову и в руке остался большой клок волос. В это время Гога подошел сказать «Пока». Остановился передо мной, посмотрел на клок в моей ладони. Погладил по плечу: «Вырастут новые. Лучше прежних. Это всего лишь волосы». «Зато живая» — прозвучал в голове Витин голос.

1 февраля

Волосы лезут. Хвостик всё тоньше и дохлее. Вся постель и квартира в волосах. Работаю. Не так сноровисто и ловко как раньше. Валятся из рук линейки и карандаши. Не могу плотно закрутить иголку на точильном станке. Но портреты бьются. Крашу, чищу. Пью кетонал. Заматываюсь бинтами по утрам. Так легче. Просто встаю и иду.

Рожа Стаса выражает злобу, жестокость и досаду. Тиран обломался. Вампир лишился еды. Есть нечего. Голодный упырь. Крокодил.

Как может близкий человек стать таким далеким? Чужим?

Отталкивающим. Пугающим.

Я пешком хожу с работы. 47 минут. Через железную дорогу, лесопилку, частный сектор. Прогулки хорошо влияют на восстановление организма. Кардионагрузка полезна. Химия кардиотоксична. Нужно больше ходить, гулять.

СИИИСЬКИ!

3 февраля

Настроение говенное. Полдня делали с Олегом стенгазету по окружающему миру на тему «Достопримечательности Минералдара». Скальп болит. Настоящий волосопад. Остался тоненький крысиных хвостик, видно проплешины по бокам.

Завтра у Любы день рождения. Там будет много людей. Пойти или не пойти? Могу? Хочу? Боюсь? Надо? Будут спрашивать, почему не пьешь? Могут заметить и спросить, почему волосы так истончились?

Вообще побыть среди людей полезно. Это энергия. Особенно перед второй химией.

5 февраля

Вчера мы с Олегом были на дне рождения у Любы. У ребенка не должна резко меняться жизнь. Смотри, мы как раньше, ходим в гости. Ты можешь веселиться с Варварой — дочкой Любы и моей крестницей. Словно и нет никакого рака на свете. Мы играли в мафию, смеялись, общались. Люба какая-то напряженная. Первый раз встретила свои 35 лет в новом статусе — замужней жены. Я так рада за нее!

Мама Любы постоянно спрашивала меня, почему я такая худая? И стала еще худее. «Скоро от тебя совсем ничего не останется! Признавайся, в чем твой секрет?» (Мой секрет прост — у меня рак).

Папа Любы на каждом перекуре рассказывал мне про свой

сахарный диабет. И как ему теперь нелегко живется. Что это коварная болезнь, и теперь жизнь стала не та.

Я сидела и листала фотоальбом, мне попала грустинка, когда я смотрела на фотографии, где мы с Любой беззаботные вольные журналистки... Подошел Паша, младший брат Любы, и пошутил:

— Не грусти! А то грудь не будет расти! Вот я не грущу, и у меня растет.

(Моя левая грудь, к сожалению, уже не вырастет).

Недавно он женился, и у них с женой классический хомяковый период полного принятия друг друга, отличного аппетита, и они оба поправились на фоне счастливой семейной жизни.

Громогласная Тамара организовала коллективное фотографирование, расставила всех как надо.

— Сиийииськииии!

Все закричали «СИИИИИСЬКИИИИ!» и засмеялись. Я тоже кричала «Сиийииськиии!», а в горле стоял комок. Почему не «Сыыыыр?» или «Сээээкс?». Ну почему сразу «Сиськи»?

Я лишняя, чужая на этом празднике жизни. Что я здесь делаю? Завтра мне ехать на химию. Я не могу как раньше веселиться и находиться среди здоровых, счастливых людей. Мне нельзя.

Позитивная мысль на дне рождения: мне не звонит никакой Стас с его «Ты гдеееее???", «Когда домоооой?». Какое

облегчение.

ОДНОПОЛЧАНЕ

Сегодня я приехала в Каменск на вторую химию. В палате вдвоем. Марина, 60 лет, воспитательница из соседнего поселка. Рак кишечника, 4 стадия с метастазами в печень, почки, позвоночник. Спокойная, уставшая. Опрятная, модная, стройная и красивая. Готовая умереть. Любит проветривать палату. Есть квашенную капустку. Ходить по лестничным пролетам, тренироваться и двигаться, чтобы не потолстеть и сохранить фигуру.

Депресняк. Сонная, разбитая, опухшая, блюющая.

Сейчас скажу абсурдную вещь. Не в тему вообще. Есть предчувствие... Скоро я встречу любовь.

Смешно, да? И будет страсть, как у Лены с раком трахеи. Вода в огне. Слияние тел. Искры и взрыв. Наверное, это проказы химического мозга.

Я верю. Что я возьму от жизни этот подарок. Пусть даже это будет предсмертный дар моего Бога. Назло Богу Стаса. И все твои пожелания «никто на тебя не залезет» рассеются в пух и прах.

7февраля

Полная палата. Галина. О своем раке не говорит. Мы не знаем, рак чего у нее и какая стадия. Я поняла, что химия постоянная. Значит, паллиативный статус. Бывалая. Подвяза-

ла пакетик под мусор на ручку прикроватной тумбочки. Взяла байковый халат у кастелянши и дополнительное одеяло. Знает, где взять ключ от ванной комнаты. «Пойдем, книжки в радиологии возьмем». Оказывается, там есть что-то типичной библиотеки для пациентов. Она остро реагирует на запахи. Заставила убрать трусики Марины с батареи, которые она постирала ароматным гелем для душа и повесила сушить. Не разрешает мне мазать руки кремом. «Фу! Иди смой. Не могу дышать этой химозой!».

Узнала, что можно запросто взять свои вещи в приемном покое и сходить погулять, сказав медсестрам, что пошла в аптеку на 5 минут.

Уборщица наорала на меня, когда пришла мыть палату. «Шапку носить надо! Или подстригаться налысо! Заколебали со своими волосами! Всю стиралку мне забили своими лохмами».

Я капалась до часу ночи. Все уже спали. Сидела в темноте с капельницей на больничной койке и беззвучно редела. Слезы душили меня. Как я здесь оказалась? Как въехала в этот забор? Как оказалась в такой заднице?

Бабушка мусульманка (на вид 120 лет) на соседней кровати всю ночь бормотала молитвы из Корана и била поклоны.

Долго. До утра. Такой страшный шепот, будто злая колдунья вызывает дьявола. Потом она смотрела ролики из тик-тока, какие-то индийские сериалы в жанре мюзикла. Без наушников.

Утром я опухла как китайский пчеловод. Блевала. Поставили уколы. Оставили под наблюдением еще на сутки. Боже-ее. Еще она ночь с Кораном и вызовом дьявола.

В тихий час мы с Мариной пошли «в аптеку на пять минут». Выпили шкалик коньяка на двоих. Закусили шоколадкой. Зашли в парикмахерскую. Я подстриглась. Не налысо. Мне оставили ежик с проплешинами. Выглядело ужасно. Как будто я беспризорник из детдома. В разгар эпидемии тифа. Парикмахерши хвалили мою чудную форму черепа, сказали, как мне идет дерзкий стиль (ну зачем обманывать?), что сейчас это модно, и многие женщины так стригутся. Пожелали здоровья.

За время, когда я бываю в Каменском филиале онкодиспансера, много с кем знакоюсь, хочу я этого или нет. Когда они узнают, что я делаю портреты на памятники, они записывают мой номер в телефонную книгу. Заводят «Маша на памятник». Мне можно податься в женский стендап.

УЛЫБОК ФОРТУНЫ!

8февраля

Я дома. Короткая стрижка не спасает. Теперь с меня ва-

лятся иголки от ежа. И растет «озеро счастья» надо лбом. Как у бывшего начальника провайдера, где я пару лет до «Вечного огня» работала маркетологом.

Завтра у меня день рождения. Мне исполнится 39 лет. Выгляжу ужасно.

9 февраля

С 4 утра блюю.

Олег заболел. 38,4 и лающий кашель. Вызвала врача. К 8.00 понеслась в поликлинику сдавать кровь на ВИЧ и гепатиты

В и С, и на ВК продлить больничный лист. На улице лютая метель.

В очереди на кровь встретила знакомую женщину, директора исторического музея. У нее рак, она ходит в красивом парике блонд каре. Встретила папу Любы. Все делают вид, что никто никого не узнает.

Сквозь буран с кровавым насморком добралась до дома, как пингвин в Арктике. Хочу плевать и лежать. Сварила компот. Малина, смородина, имбирь. Пришла мама. Помогла сделать салат. Приехала дочь Даша. Она бросила учебу здесь в Минералдаре и уехала в Екатеринбург работать бариста в кофейне. Ну, хорошо. Пусть социализируется.

Дочь полезла поменять шторы по моей просьбе и свалилась со стула. Кажется, подвернула ногу. Господи, почему, когда я приезжаю с химии и хочу отлежаться, все начинают болеть? Кот, сын, теперь и дочь.

Мне пишут поздравления с днем рождения какие-то случайные люди. Во вконтакте, телеграмме и ватцапе.

Света — моя онко-подруга из Каменска. Гув — тот самый одноклассник, у которого, по мнению Стаса, я должна просить деньги на лечение за проведенную ночь. Какой-то собаковод, с которым когда-то я, пьяная, переписывалась дольше, чем следовало. Начальница финотдела администрации. Заведующая детским садиком, в который ходил Олег. Институтская подруга из Верхней Салды. Врач скорой помощи, про которого я когда-то писала статью, а он потом слал мне свои стихи в почту. Одногоруппница из художественной школы. Директор этой школы. Редактор местного телевидения. Муж бывшей коллеги из провайдера: «Братан, Жиган! (смайл лимон) Брат почти сестра! С днюхой». Пятница, скорее всего, пьяный, но как всегда добросердечный и человечный. Еще один коллега из провайдера. В 23:59. Интересно, он это специально импровизировал? Тонкий английский юмор? Мол, успел поздравить, не забыл. Или так случайно получилось?

Никто еще не знает про мой рак. А может, знает. Минералдар — маленький город. А я восемь лет работала в городской газете журналистом, меня многие знают. Помнят. Кто-то любит. Или скорбит. Про столько людей я писала статьи, брала интервью, фотографировала... Прежде чем перешла на «матрешек».

Даша с мамой притащили гору коробок пиццы. Доставка не работает из-за снежного бурана. Только самовывоз. Ну-ка, какие пожелания на коробке? «Улыбок фортуны!». Да ладно.

Мне «фортануло», это ежу понятно.

ЧАТИК «ПОМЯНЕМ МАШУ»

С утра в семейном чате «Дом» в телеграмме мама и сестра затеяли тему «Помянем Машу». Мама стала выкладывать мои фото с детства с подписями: «Маша любит спорт», «Маша любит тусу», «Маша любит читать и писать книги», «Маша любит котиков». Если исправить глаголы на прошедшее время, вышли бы отличные эпитафии.

Далее Наташа не поленилась и выложила целое сочинение на тему «Яркое воспоминание из детства».

«Однажды 9 февраля я и Маша пошли на каток. Маша всегда была более спортивнее, чем я. Она очень любила кататься на коньках и даже умела делать всякие крутые пируэты и кататься задом наперед. Я так не умела и каталась медленно по кругу. И поэтому быстро начинала мерзнуть. А Маша, в то время, когда я как черепаха плелась по кругу, носилась как бешенный неугомонный вихрь, закруживаясь, подпрыгивая и в прыжке разворачивалась и ловко ехала задом.

Когда мои силы окончательно покидали меня, я старалась поднажать, кое как догнать свою младшую сестру и

начинала умолять ее пойти уже наконец-то домой. Но Маша каждый раз говорила с огнем в глазах и мокрой челкой из-под шапки: «Ну давай же еще кружочек!!!». И я опять ехала на своих заледеневших ногах, шепча под нос: «Ну еще один кружочек... только ради твоего дня рождения, только ради твоего дня рождения...».

Я прочитала. Долго улыбалась. Не такой уж я и киборг. Я помню этот день на катке. Было очень холодно. Но я хотела на каток! Летала вихрем. Не чувствуя ни холода, ни ног. Помню, как мы с Наташей по дороге домой забежали в какой-то подъезд. Я сняла валенок и начала бить ногой о батарею. На ступне появлялось ощущение туго стянутой канцелярской резинки. Это значило, нога отходит, отогревается. Потом «резинка» как будто медленно сползала по стопе к пальцам. Нога отмерзала и начинала болеть. Это был знак, что всё в норме.

Размышляю, откуда это у меня? Вытерпеть всё! Кому надо доказать, что ты выносливее всех?

Физкультура, 6-й класс. Висим на руках на лестницах вдоль стены спортзала. Кто дольше провисит. Конечно, я. До кровавых мозолей. ЗАЧЕМ? Никто и не собирался висеть из последних сил. Все давно попадали. Ты уже висишь одна. Но надо еще повисеть, чтобы не подумали, что я тут вишу из последних сил. Смотрите, я еще могу повисеть, просто так, хотя уже итак победила.

Еще эпизод. Помните мою операцию? На утро был пят-

ничный обход, а значит врачи пойдут полным составом. Поэтому я умылась, заправила кровать, сидела с бледно-зеленым лицом и... УЛЫБАЛАСЬ. Кто тебе сказал, что после операции на утро ты должна быть на фоксе, улыбаться и вида не показывать, как тебе плохо? Я буду терпеть и улыбаться, чтобы никто не расстроился, чтобы никому не досадить. Чтобы врачи не подумали, что они сделали что-то не так.

Наташа заметила, что меня удалил Стас из друзей в ВК.

Наверно пришло оповещение о том, что у меня день рождения. И он решил, что не друг я ему больше. Вон из Рая!

На дне рождения Наташа побрила меня машинкой под ноль.

— Мдаааа, на катке было как-то попрικольнее... — приговаривала она.

Я не плакала. Быть лысой было лучше, чем детдомовцем в эпидемию тифа. Я просто надела шапку. И она стала моими волосами. Не сниму ее никогда. Буду даже спать в ней.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Как я пойду завтра на работу лысая?

— В шапке, — отвечает дочь.

— А что, если кто-то пройдет мимо и сдернет шапку и закричит «Смотрите, смотрите! Лысая!»?

— Ты в детском садике работаешь? Мама, там взрослые, адекватные люди.

Я не уверена в этом. Грехман, например, может громко заорать на весь цех какую-нибудь песню. Или подойти к туалету, когда там занято, и начать громко стучать и на весь этаж говорить голосом полиции: «ОТКРОЙТЕ!!!». Или пройти мимо и щелчком стрелкнуть крышку от растворителя, лежащую на камне. Микроинсульт обеспечен.

Я так устала. Надо работать, быть мамой, жить обычной жизнью. Я хочу лежать. Мир не снизил к тебе требований. Дети ждут от меня прежней самоотдачи. Вчера они сидели у меня в ногах на моей кровати и припирались.

Олег обвинял Дашу в том, что она забулила его в детстве, когда его очень коротко подстригли и называла его «Яйцо! Яйцо!». Он это запомнил и теперь у него психологическая травма, и он боится подстригаться в принципе и вечно ходит обросший как леший.

Даша обвиняла Олега в том, что он увидел через капроновые колготки на ее ногах порезы от элфхарма, который она практиковала в школьные годы, и закричал при всех: «У Даши порезаны ноги! Она режет себя! Она сумасшедшая!».

И вот они срутся, со слезами, агрессивные, обиженные друг на друга. А рядом лежит их мать в шапке: у нее день рождения, рак, отрезана грудь, лысая голова, и химиотерапия на год вперед.

«Маша, как настроение?» — пишет мама.

«Философское...» — отвечаю я.

Мне нравится такой ответ, я не сказала, что плохо, и не расстроила маму. И не сказала «хорошо», потому что это неправда, а значит, я не соврала.

К этому невозможно привыкнуть. Лечиться о рака. Быть лысой.

Я всё более проникаюсь симпатией к доброму онкологу Фаидову.

— Как самочувствий? Как волос?

Снимаю шапку. Плешивый страусенок.

— Очэнь крута вам.

— Спасибо...

Иногда откровенное вранье очень приятно.

11 февраля

Головные уборы во время лысого периода.

Многие бабушки носят вязанные крючком какие-то детские шапочки с дырочками. Белого или розового цвета. Она реально детская, словно снятая с ребенка и натянутая на лысый череп с пигментированной кожей. Бантичек со стразой не спасает эту шапочку.

Чалма из хлопка. Фасоны разные, суть одна — ты типа восточная женщина. Но я в ней — маленький Мук. Чалма обтянула по бокам лоб, скулы, прижала уши, и мое лицо стало в виде капли. Очень толстой опухшей капли. Просто ужасно. Я ношу простую тонкую серую шапку-носок дворового

лобаря. Это лучшее решение для меня.

Мы с детьми зашли в парфюмерный магазин. Хочу купить гель для интимной гигиены.

Олег: «Мама, ты что! Зачем!» (пуританский суровый па-
рень)

Даша: (голосом гинекологини из женской консультации)
«Микрофлора влагалища сама справится!». Люблю своих
детей.

Я вообще не готова идти на работу. Покупать торт? Зака-
зывать пироги? Жизнь — не праздник. Только не внимание,
никаких поздравлений и пожеланий. Здоровья и долгих лет
жизни. Какая работа? Какой торт? Какого здоровья? Каких
долгих лет жизни? Я лысая, с кровавым насморком, опух-
шая. «Щечки появились!» — «подбодрят». Я отекала, опухла.

Олег сказал: «Мама, ты не обязана поить и кормить этих
рандомных людей. Им насрать на тебя».

— А если они меня поздравят? Мне будет неудобно.

— Скажи: «Ой, я не ожидала, что вы меня поздравите!
Спасибо!». И всё.

Олег молодец. Как-то пришла домой. Сидят за компом с
другом бешеным Вовой. Олег жрет ложкой торт ежик.

— Угости Вову! — возмущаюсь я.

— Ему нельзя.

Бешеный Вова на какой-то специальной антисахарной ди-

ете.

Сходила купила коробку чая-ассорти и большую упаковку печенья с кокосовой стружкой. Просто вставай завтра, собирайся, надевай шапку-гандон и езжай к своим камням и портретам. Не к людям, которые там работают. А к покойникам. Так лучше.

Ты в шапке, а значит «в домике».

Видимо, я так и буду: впадать в отчаяние, потом воскресать и подниматься... Скажи, а раньше было не так?

БЕДНЫЙ ЮРИК

15 февраля

Ужасно тяжелая неделя на работе. Постоянная слезливость. Вот-вот сорвусь и разревусь. Тяжело. Не получается. Тяжело с людьми. Полегче с портретами. Вонь в цехе. Постоянная тошнота.

Ощущение — я просто дошла до дна в своей жизни. Не жалею, не люблю себя. И продолжаю это делать. Издеваться над собой.

Пока я прохимичивала мозги, все ретушеры в плане ретуши, кажется, уже изучают ядерную физику. Мне нужен фотешоп бета, новые программы с искусственным интеллектом, фильтры и прочие фишки, профессиональные чаты и боты.

Вообще, у нас сложный коллектив ретушеров. Ничего не поменялось. Вокруг лица покойников: на экране компа, на

станке, на камне. А люди ругаются, интригуют, дружат против друг друга.

Пока я была на больничном, затравили Малыша Юрика за то, что якобы он делал ретушь заказчику из Украины. Я знаю, его подставили. К подставе приложил руку коллега Федечкин, «доброжелатель» и интриган, который мнит себя подпольным, негласным сотрудником службы безопасности (хотя его никто не назначал). По сути — стукач. Мне сказали, что не стоит воспринимать его всерьез. Это местный дурачок. У него какая-то справка о психическом заболевании. Но его интриги РАБОТАЮТ! И портят жизнь тем, против кого он затевает очередной заговор.

В общем, у Юрика всё было серьезно. Омон приехал прямо на работу, Малыша заточили в наручники и увезли в следственный комитет. Было изъятие компа и домашнего ноутбука. Потом дело замяли. Но репутация силами интриганов у него подорвана. Теперь с ним практически никто не здоровается и не общается. Бедный парень.

Здесь всегда так, выбирают жертву. Потом это надоедает. Переключаются на другого. И так по кругу.

У меня какие-то страшные месячные. Льет как из ведра. Уже 12-й день подряд.

«Вы не должны жить как раньше, как до рака. Меняйте фокус, перестраивайтесь» — во всех онко-чатах. Что же мне

делать? Эта работа теперь мне не силам, не по здоровью. Или силы вернутся?

Думай, Маша, думай...

17 февраля

Что тут думать. Бывают плохие дни. Пятница прошла вполне сносно.

Надо открываться миру. И он откроется тебе. Всё идет от людей и через людей. Не иначе.

Как мог батюшка сказать Стасу: «Беги от людей! Люди — зло!». Или он видел беса в нем, который может причинить вред, поэтому говорил «Беги!», чтобы защитить людей? Смотрю на него на работе... Чужой, злобный, сварливый дядька. Ключевое слово «чужой».

Люди — наше спасение. Как Господь будет разговаривать с тобой? Через кого? Где получать подсказки, пищу для ума, импульсы для действий, развития? Всё. Через. Людей.

Подписалась на группу ретушеров-гравировщиков «AsArt» (сотни участников) и «Доброе место РМЖ» (больше 3,5 тысяч участниц).

ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ

Происшествие утра.

Я пью чай, привожу лицо в порядок, зажигаю тонкую свечу в маленьком подсвечнике из оникса. Масик запрыгнул на стол, попал хвостом в пламя свечи. Хвост моментально вспыхнул. Кот зашипел и ринулся носиться по квартире. Я за ним. Вонь паленой шерсти. Догнала, схватила, потушила ру-

кой хвост. Горящая кошка может устроить нехилый пожар. Она же вся из шерсти. Будет гореть лучше, чем сухая хвоя ели. А горящий кот будет носиться, поджигать шторы, тюль и прочие вещи. Страшно представить.

Представляю, сгорела квартира. И пожарные после тушения спрашивают: «У вас есть какие-то предположения насчет причины возгорания?». И я такая: «Вы не поверите...».

Рассказала на работе. Юрий сказал: «Я знаю этот запах...». Все посмотрели на него с ужасом. Мало того, что он делает ретушь врагам, так еще и поджигает кошек. «Нет, не то, чтобы я жег кошку!» — оправдывался он. Я хохотала. Остальные — промолчали. Зазорно смеяться над предателем Родины.

Ладно, нормально, нормально. Просто сейчас такая комбинация врагов и друзей. Алина с Вахитом — лучшие друзья. Я и Юрий — два изгоя: раковый больной и дезертир. Гордый Гога в величии одиночества, со всеми и ни с кем. Но всё меняется. Убеждаю Юрика не бросать работу и мысленно сдавать себя в аренду. Пришел, сделал свою работу на совесть, ушел. Пройдет время и всё изменится. Вот увидишь.

Теперь наш нежный Масик снова в стрессе от возгорания хвоста. У него выбрита передняя лапа, бритый животик от узи, бритая жопка для кастрации. И обгорелый хвост. Зато шотландский, породистый.

ГЛЫБА ЛЬДА РАСТАЕТ

В пятницу все хотят свалить с работы пораньше. Ну, или ровно в пять. Не задерживаться.

В 16.30 мне завезли стелу с улицы прямо к станку. С сугробом на ней. Оставить оттаивать? За выходные под станком будет лужа. Пришлось задержаться. Я не сильно расстроилась. Колотила портреты, ретушировала. Никого не было. Красота. Вдруг зашел Грехман: «Ты чего тут сидишь всё еще?».

— Жду, когда большая глыба льда растает. В моем сердце,
— добавила я.

Клянусь, он покраснел! И заулыбался. И понес какую-то бессвязную чушь. Я флиртую! Ого! Оживаю.

Впрочем, он флиртует со всеми. Был эпизод до рака. С утра я красила портреты. Идет мимо... — Работящая ты баба, Маха!

— Эх, да вот... Неправильно это. Маленькие женщины созданы для любви, а большие — для работы.

— Поработай пока!

В этот момент Стас шел мимо моих станков. И все слышал. Я снова была грязной шлюхой, которая ПРЕДЛАГАЕТ себя мужчине в разгар рабочего дня.

Еще был эпизод, на 8 марта или какой-то другой праздник, тоже до рака. Девчонки бегали и звали меня выпить вина. А злобный полировщик как раз обедал на кухне и рявкнул «Она не хочет!». И Грехман сказал ему: «Откуда ты знаешь, что она хочет, а что не хочет?». Супер. Фамилия тоже.

СИНЕКА ПРИКАЗАЛ ЖИТЬ

Синека. Стоицизм. Излечился от чахотки. Ищем точки опоры везде, за что цепляется ум, взгляд. Точки спасения.

— Близкие. Кто от вас зависит. «Я приказал себе жить». Ради детей. Ради мамы. Ради котика. Тот, кто не справится без нас в жизни. Даже цветок. Я обязана заботиться о них.

— Друзья, общение. Кто вас поддержит. Тут сложно. Все свалили как от бубонной чумы. Но если они есть и не отвернулись, нужно говорить о болезни. Тема свободна и открыта. Не стыдно и не страшно. Социальная группа. Нормальные коллеги (полный швах). Нормальные родственники (гут). Это ресурс для исцеления.

— Обучение (курсы сценариста). Синека изучал философию. Учишься, значит закладываешь программу будущего. Говоришь мозгу: «Дорогой, мы собираемся жить дальше». Знания мы получаем, чтобы их использовать, они нам пригодятся в БУДУЩЕЙ жизни, которая БУДЕТ.

— Отвлечение. Нужно отвлекаться. Страх заболеть. Обида на жизнь. Болезнь пожирает тело, наш дух. Покупки, вкусная еда, красивые вещи. Забота о своей внешности (даже если вы лысая капля).

— Повышать свою самооценку. Я встала (страшная как сто чертей), умылась, собралась и поехала на работу. Молодец, девочка. Случаи, когда мы проявили доброту, смелость, помогли. Проявили простую человеческую порядоч-

ность. Не стесняйтесь, хвалите себя за это. Ваша личностная ценность растет. Вы нужны людям.

Синека прожил 70 лет. Нейрон подверг-таки его казни. Ясный ум, крепкое тело.

КАЖДОЙ ТВАРИ — ПО ПАРЕ

22 февраля

Завершилась короткая неделя. Временами мне казалось, что я обретаю дзен и осознанность. Меняюсь, мудрею, возвышаюсь над суетой сует.

Алина с Вахитом нахваливают друг друга. Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. С такими «друзьями» и врагов не надо. Я знаю, со стороны Алины — это притворство и метод включенного наблюдения. Молодец, девочка. Первая, кто из новичков-учеников (которых здесь было до нас десятки) пробил броню Вахита, чтобы сблизиться и выведать хоть какие-то секреты ретуши и гравировки. Мне кажется, он даже влюбился в нее немного.

По-человечески, горжусь ей. Природная хитро-мудрость. Это помогает пробиваться в жизни, обращать врагов в друзей. Выживать любой ценой. Переобуваться на ходу.

Когда мы пришли, нам сказали: «Останется кто-то один из вас». Вахит относился к нам по принципу «топи котят, пока слепые» [17]. Трава пробивалась сквозь асфальт. Мы были врагами и конкурентами с Алиной. Выжили. Выстояли. Жаль, что сразу не подружился. Если бы объединились тогда, создали бы женскую империю ретуши.

Оба они, Вахит и Алина — не безопасны друг друга. Он предаст ее. Она его. В любой момент. «Я тварь, ты тварь» — Алина так и говорит. Они на подъеме, веселятся, работают с огоньком. Бодры и позитивны. Приятно, когда рядом кто-то в жопе (я и Юрий). Это бодрит и заряжает. Жизнь удалась.

Переколотила бабушку Пушкинову в ТРЕТИЙ раз. Переложили стелу на другой станок, перевернули камень на другую стороны (вдруг поможет, и этой бабушке просто не нравится ЭТА сторона каменной стелы?). Поставила на станок икону, пакетик чая и шоколадную конфету. Идеальный портрет. Даже станок не полосил.

Я ставлю икону «тяжелым» портретам. Когда колочу портреты детей — мягкую игрушку мышонка. Вахит крутит пальцем у виска. Гога одобрительно кивает. Как-то раз Юрий переколачивал деда. В четвертый раз. Поставил ему стопку водки. Портрет получился. Глядя на моего мышонка, принес маленькую куклупупса для портретов девочек.

Я что-то меняю. Надеюсь. Вычеркнула из жизни предателя Стаса. Отдала Гоге свой второй станок, чтобы так не надрываться. Не пью алкоголь, не курю. Не пью даже кофе. Не ем сладкое. Я оставляю людей в покое. Подлые и подлые. Тупые и тупые. Двуличные и двуличные. Хрен с ними.

Сегодня с девчонками на работе ходили с шуточной ло-

тереей поздравляли мужчин с Днем защитника Отечества. Очень не хотелось. Но ходила. Улыбалась. Даже немного шутила. Ловила взгляды. Любопытные. С опаской. «Боже, у нее рак, она умрет».

В лототроне с записками-подарками была одна пустая бумажка. Алина сказала, она попадется Вахиту. Так и случилось. Он оскорбился. Всем стало неловко. Он перетянул. Выиграл рулон туалетной бумаги. Оскорбился еще больше.

С УМА СОШЕЛЬ?

Прием у онколога Фаидова.

— Жалобы есть?

— Да, с 10 февраля идут обильные месячные...

— Это не месячный! А кровотечений! Ви что! У вас тромбопения. Кровотечений неизвестно из каких орган. С ума сошель? Срочно общий анализ крови завтра утром! На тромбоциты! Если сильно пойдет, вызывайт скорую. На следующий химий ехать нет смысла, вас не возьмут с такими анализами.

Вот вам еще немного о «любви к себе». Я буду истекать кровью, менять тампоны-патроны каждый час, клеить к трусам ночные прокладки, при этом стоять и часами чистить портреты, когда кажется, что внутренности сейчас выпадут из промежности.

Сдала кровь с утра. Уехала на работу. Приехала на прием. Анализ еще не готов. Пятница. Будет готов в субботу. Нера-

бочие дни. В понедельник — ехать на химию. Всем насрать на тебя и твое кровотечение.

Главное чувство, которое вызывает Крокодил Стас — отвращение. Где-то читала, отвращение спасет жизнь. Точный индикатор и радарчик. Его нельзя игнорировать. Бывает отвращение от еды. Бывает — от людей. Можно отравиться. Это угроза, опасность для жизни. Интуитивное и очень древнее чувство.

Отвращение помогает выжить. Стас с виду основательный, надежный. Набожный. Оплот спокойствия. Поджигает ладан. Дарит всем церковные деревянные браслеты. Не обязательно он желает мне зла. Но с ним что-то не так. Он может принести мне несчастья. Стать причиной многих бед, передать свои негативные программы. Поэтому злится. Некому передать.

В ЧЕМ СИЛА, БРАТ?

24февраля

Вчера в честь праздничка Наташа организовала посиделку «как собрать друзей по-быстрому». Очень душевно мы с ней обосрали отца и всех бывших в честь Дня защитника Отечества. И даже продолжили это милое дело после по своим домам голосовушками в телеге.

Мой брат Андрей, крестный моего сына, поздравил Олега. Мы болтали и очень много смеялись. Он сказал, что я, лысая, похожа на Роуз Намаюнас. Борца UFC в самом легком весе.

И если бы у него брал интервью Дудь, то на его финальный вопрос «В чем сила?» он бы ответил — «В Маше».

Андрей отправляет мне ЛУЧИ поддержки. В гифках и смешных видяшках. Мне правда легчает от его лучей.

Утром пекла блины. Немного прибралась. Выкинула мусор. Сходила распечатала копии гепатитов и ВИЧ. К химии готова.

26 февраля

Люба привезла меня на химию. Какая-то она грустная. И как будто далекая. Ау! Я здесь. Ладно, может какие-то личные проблемы, которыми пока не хочет делиться.

Пустое отделение химиотерапии. Я одна в пустой палате на пять коек. Круто! Сегодня буду ночевать одна. Кайф, можно вонять кремами на всю палату. В очереди к химиотерапевту встретила Лену — «страсть-пожар в воде». Делится про кота, какой он стал бесячий и хулиганистый.

По совету Любы посмотрела документальный фильм «Жизнь человека. Последнее интервью». Онколог Андрей Павленко, который оказался по ту сторону изгороди. Тяжелый фильм.

В марте 2018 года один из лучших хирургов-онкологов страны Андрей Павленко узнал, что у него рак желудка агрессивной формы. Как онколог, он понимал, что скорее всего умрет, но решил лечиться и запустить в России пуб-

личный медиапроект «Жизнь человека». О том, как принять диагноз и бороться с онкологическими заболеваниями. Что нужно делать и где искать помощь.

В ноябре 2019 года Андрей дал последнее интервью команде проекта «Жизнь человека». Этот фильм — своеобразное завещание онколога. Послание всем, кто следил за его судьбой, онкологическим пациентам, их родственникам, и врачам.

Документалка простая, но жуткая. Одна из важных тем, что онкобольным нужны антидепрессанты во время лечения. Но такой практики — предлагать, спрашивать — просто нет.

В целом, это просто история. Одна из. Удручающе короткая. С момента диагноза до смерти — миг. Без шансов. Хороший человек. Классная жена. Классные дети. Он всё понял сразу. Принятие. Лечение. Так, ради близких. Да, мы поборемся. Основал медиапроект. Конец.

Я страшно отекаю. На момент постановки диагноза я весила 42 килограмма. Сейчас 52. При росте 155 см. Аппетита нет. Еда вкуса картона. Хожу пешком на работу. Туда и обратно. Кардионагрузка. Полезно. Надо. Но отеки не уходят.

27 февраля Капаюсь... Кап-кап.

Спросила врача про обильные месячные и отеки. «Ну мы же не витаминки вам капаем». Про антидепрессанты спра-

шивать не стала. Раз не витаминки. Что за глупые вопросы.

Капаюсь... Медленная скорость. Кап-кап.

Взяла себя в руки, надела наушники, достала блокнот и села за стол в палате. Учиться на сценариста. Синека. Обучение. Сигнал мозгу — мы получаем знания, ибо планируем жить дальше. Капаюсь и конспектирую лекцию «Как повысить драматизм и динамику сцены».

Я стрессую из-за Даши. Она такая эмоциональная и нестабильная девочка. Боюсь потерять ее. Тьфу, нельзя такое даже говорить. Была в сети последний раз в 19.36. Вчера. И всё, пропал ребенок. Я писала и звонила сто раз. Тишина, гудки. Она еще написала: «Я сегодня до конца». До какого нафиг конца?!

Ночь я не спала. Под утро уснула. Приснился ужасный сон. Полчища ворон летят, настигают город, накрывают тенью, темнее небо. Я в какой-то квартире. Шкаф, за ним кровать. И трое детей. Маленький Олег, маленькая Даша и еще как-то ребенок. Я накрываю их собой. Становится всё темнее, потому что полчища ворон всё ближе. И окно голое, страшное, без штор. А небо — в апокалипсисе полчища черных птиц.

Естественно, сонники трактуют это как смерть родственника.

Утром продолжаю звонить дочери. Не берет. Позвонил незнакомый номер. Сердце оборвалось. Ростелеком. Тьфу,

блин. Собралась звонить в «Лизу Алерт». Дома Дашу ждал подарок от меня — колечко Пандора с сердечком (в котором ее похоронят). Тьфу, тьфу, отмена, отмена, дурацкие мысли. В 9:04 она мне написала: «Мама, всё хорошо. Я уснула вчера сразу после смены».

Дети — осиновый кол в сердце, который вонзается в сердце матери сразу после рождения ребенка.

Лежу в палате с двумя милыми бабушками. Обе не глухие. Это очень неплохо. Алевтина уже 17 лет живет с кардиостимулятором. Но храпит. И днем тоже. Тамара рассказала, что очень тяжело переносила лысый период. Даже двухлетний внук плакал, когда ба полысела. Тер глазки. «Маленький, а переживал».

Дочь заказывала ей на озоне капсулы экстракта лопуха. А сын-алкаш лопухов нарвал на рассвете, в лесу. Варила, процеживала, пила, а остатки — на голову. Кудрявые седые волосы, очень симпатично.

ПИСЬМО ДЕПУТАТУ

Ездить в Каменск на химию очень проблематично жителям моего города. Мы с Любой решили, что я напишу письмо в городскую Думу.

Депутату Думы Д. А. Брусникину

От жительницы города М. А. Томиловой

Начну с главного. Прошу рассмотреть возможность организации регулярных рейсов из Минералдара до Каменска и

обратно. Это нужно большому количеству жителей с онкологией, а также их родственникам.

Далее я описываю варианты «как добраться туда и обратно». По сути, никак. Прямых рейсов нет. Только такси. А потом дополнила письмо реальными историями. Поняла, что разучилась писать.

Из Минералдара я не одна такая. Нас очень много, и мужчин, и женщин. И проблема «как добраться туда и обратно» — актуальна для всех. Есть хими, когда промежуток между курсами еще короче — 2 недели, 10 дней. Есть онкопациенты, у кого неограниченное количество химий. Это паллиативная помощь, продлевающая человеку жизнь. Кто-то едет на дообследование, на консультации, в разные отделения: хирургическое, химиотерапевтическое, радиологическое.

В хирургии со мной лежала Ирина Анатольевна Б. 63 года. Боевая, позитивная. Борется с онкологией восемь лет. Раньше она ездила на лечение в центр. В этот раз направили на очередную операцию в Каменск. Приехала с мужем из Минералдара на такси, за 2900 р. Звонит мужу. По голосу заподозрила, что он выпил банку пива. Разоблачила. Признался. Поклялся, что только одну, за 39,50 по акции. «Сама! Я тебе дала пяти тысячную купюру. Мы заплатили за такси. На сдачу ты должен прожить до Нового года, иначе я приеду и придушу тебя!». Смех смехом, но это реальность. Ездить Ирине Анатольевна еще не раз и не два. Впереди —

лучевая и химиотерапия. Много курсов.

На одной из химий в палате со мной лежала Марина Алексеевна П. 54года. Воспитательница из детского садика. Химию переносит плохо. Разделили химию на «поменьше, но почаще» плюс капельницы с поддерживающими лекарствами, чтобы другие органы не отказали. Сама Марина за рулем, но после химии садиться за руль боится. Ее возит дочь, с маленькими внуками в машине. Каждый раз Марина сидит и «греется», как дочь доехала обратно.

В хирургии мне повстречался дедушка Виктор Степанович С.

Ему 73 года. Выглядит довольно бодро. С онкологией борется уже 14 лет. Я его видела уже в очередях на прием к онкологу в Минералдаре. Занимает очередь в 9.00. Заходит в кабинет в 16.30 с улыбкой и со словами «Доброе утро!». Ездит на химию за рулем. Оставляет машину на стоянке у диспансера или во дворе недалеко от больницы. Выходит на улицу после выписки, глотает горстями таблетки (от давления, до головы, от боли в суставах) и быстрее едет домой, «пока не накрыло». Супруге он умудрялся врать два года, что его возит товарищ. Она ему в принципе не разрешала садиться за руль. У Виктора Степановича была легенда — машина сломалась, стоит на якоре в гараже. Жена туда не ходила. В ямку за овощами и соленьями он ходил сам.

Многие онко-пациенты начинают помогать друг другу в теме «как добраться?» Доходит до смешного. На обходе

врач одну женщину выписывал в палате, а вторую — нет, хотел бы еще пару дней понаблюдать. Первая взмолилась: «Оставьте ее, мы вместе уедем, за ней муж приезжает!». И ведь оставил.

В хирургии у меня появилась подруга Светлана из Каменска, всегда говорит, если что, приезжай, можешь переночевать, или сын встретит с автовокзала или сама встречу.

Люди с онко-диагнозом разные. Но в основном, это стоики. Раньше я не понимала выражения «борется с раком». Кто там борется? Ты просто исполняешь предписания врачей. Нет, бороться за свою жизнь еще как придется. Бороться, чтобы получить лечение, чтобы добраться до кабинета, попасть на прием, получить талон, прорваться сквозь очередь, дождаться анализов, дождаться результатов анализов, ждать и ждать, сидеть в очередях, продлевать больничный, бороться с побочками химии, бороться со страхом выйти в люди, лысой в шапке, без груди, бороться со страхом рецидива, бороться с постоянной физической болью. Бороться с апатией, с желанием все бросить и не остановиться на этом пути.

А новенькие все идут и идут на прием. Они в начале пути. Растерянные, еще не знают, сколько им придется на начальном этапе пройти, чтобы получить направление в областной онкоцентр — первая маленькая победа! А дальше новая задача — как добраться до места лечения? И другие бесконечные вводные данные...

Вопрос рейсов до Каменска и обратно актуален не только для пациентов, но и для родственников. Они в беде не бросают, помогают. Но надо отпрашиваться с работы на неделю. И не только приехать, доставить пациента и забрать обратно. Кто-то лежит долго. А нужно приехать, привезти передачи, сходить в аптеку, повидаться через окно «по телефону». Это многое значит для больного и родственников.

3 марта 2024 года

Столбик фио и подписей.

Да, я разучилась писать. Как вообще писать о раке? Хотела, чтоб взяло за живое. Получился какой-то стыд. Ужасное письмо.

КОРИДОР СМЕРТИ

Я снова на химии. Как это работает? Приезжаешь нормальным человеком. Мысли о работе и жизни. Планы. Сейчас полечусь и поеду обратно в жизнь.

Сидишь в очереди несколько часов. Оформляешься в приемном покое. Поступаешь в отделение химиотерапии. Сдаешь анализы. Идешь в палату. Знакомишься с соседками. Обреченность подползает, подкрадывается, обволакивает...

Ты слушаешь разговоры, общаешься. И не замечаешь, как превращаешься в такую же бабку. И с удивлением слышишь свой голос, который приговаривает: «сколько Бог даст», «од-

но лечим, другое калечим».

Я нашла чудесный коридор в больнице. Длинный, широкий, прохладный, на сто шагов. Как мини-манеж для ходок. Между отделением химиотерапии и радиологией. Кажется, это служебный переход. Там высокие окна и свежо. Тамара говорит, они ходили с соседками и считали. Около трехсот. Но не точно. Насчитала 256, сбилась и плюнула. Я гуляю там. Сегодня откапалась уже в 16.00. За семь часов. Скорость капельницы поставили побыстрее. Ноги отекли как у хоббита.

Дети онко-родителей.

Рак — редкая тема? Ха.

У моей Даши есть подруга Аля. У ее мамы рак груди. У Али — друг Максим, их одноклассник. У его папы рак. Чего — не знаю. У папы Али — тоже какой-то рак. Вроде рак крови. Он не лечится, бухает.

29 февраля Дома. Сил нет. Сплю. Туман. Дико болит живот. Блюю.

Бабка в палате не давала спать. Рак кишечника. Стома. Мешок с калом на животе. Что-то с головой, какая-то форма шизофрении. Вонь, храп. Днем и ночью. Я встала ночью, открыла дверь палаты, вышла в коридор, открыла окно. Хочу свежий воздух.

Подошла к этой женщине, спросила: «У вас памперс под кроватью? Почему не меняете в туалете?». Мне стыдно. Ей — нет.

Когда ей звонит взрослая дочь, то по щелчку, тумблер переключается, эта жена начинает выть: «Дак воооот, кааааапельницааааа, лежуууу, плооооохооооо...!!!». Вой громкий, с рыданиями и придыханиями. Не стеснясь ни нас, соседок, ни медсестер. Разговор окончен. Щелк. Ни следа страданий. Как рукой сняло. Разворачивает свои булочки, батончики, соки. Ест, хрустит, наполняет свой мешок, ложится и начинается храп...

В этом классном коридоре, где свежо и 256 плиток, насчитанных Тамарой, на меня снизошло прозрение.

Был закат, в окна пытался просочиться тусклый малиново-серый свет. Слабое эхо в оглушающей тишине от моих шагов. Противный звук касания резиновых шлепанцев с кафельным полом, которые слегка прилипают к полу. Чманыц, чманц. В высоких окнах пасмурное небо разрезано ветками голых тополей.

Это место, на 80 процентов — пристанище смертников. Оттого и равнодушие врачей. Мы все здесь смертники. Всё это лечение — лишь отсрочка. Сроки разные, маленькие и большие. Никакой надежды. Коридор смерти. Его стены видели надежды и бессилие.

Эти люди, в основном от 60 до 80 лет, киборги и мутан-

ты. С кардиостимуляторами, выведенной наружу стомой и мешком. Неоперабельные. Паллиативные диагнозы. Добавленная жизнь. Бабуле 92. Ей заказывают кровь доноров. Тратят драгоценные ресурсы. Потому что клятва Гиппократата. Есть протокол лечения и клинические рекомендации.

И всё это бесполезно. Остаться здесь подольше. Нужно ли это «подольше» с таким качеством жизни? Кому? Она спит. Постоянно. И ночью, и днем. Когда больной спит круглые сутки напролет — это признак умирания организма. Настроение — полное говно. Отстой.

Один плохой день не означает плохую жизнь [18]. Как у Земфиры: «Кроме счастья есть зима, простуды, просто неве-зень».

БЕЛЫЕ ТАПКИ

Дома. Олег сидит в ногах. Я лежу. Потолок кружится. Мысли скачут. Пытаюсь поймать их за хвост. Каша-мозги.

Пришла Даша, принесла заказы с ВБ, лекарства из аптеки и воду в бутылках. Надевает мне новые белые кеды. Завязывает шнурки. Я обездвиженное тело в белых кедах, которые мне надела дочь.

Откуда пошло выражение «В гробу и в белых тапках?». Я начинаю рассказывать детям. Ведь надо общаться с детьми... Успевать общаться с ними, передавать какие-то знания...

— Милые дети, послушайте свою мать. В былые времена христиане действительно надевали покойникам белую

обувь, ведь по земле усопшему больше не ходить, только по небесам. Новые белые тапки — символ шествия в царствие небесное. В нём умерший предстанет перед Богом, перед вечностью.

Лёлик из «Брильянтовой руки» проклинал во сне Гешу Козоедова: «Чтоб ты сдох! Чтоб я видел тебя в гробу и белых тапках! Чтоб ты жил на одну зарплату!».

Советский поэт Николай Анциферов сочинил стихотворение «Крещение»:

*И, поскольку не было пива,
Хватанули фруктовой воды.*

*Кто б с тех пор ни пытался обидеть, Будь герой семи
пятей во лбу, Я смеюсь, закусив губу:*

«Я во сне вас могу увидеть В белых тапочках и в гробу».

О, это всё про шахтеров и классовую несправедливость. Николая даже похоронили в шахтерских ботинках. Уголек добывал. Они, поэты, все там пили, и многие умирали. Думаю, там и онкология была, просто тогда не лечили таргетами... Не слыхали про трастузумаб. А вашу маму лечат, нам повезло, дети мои. А еще потом перестали в белых тапках хоронить. Потом обувь резиновая пошла, недельные туфли... И у крематориев показатели ухудшились, выхлопы из труб, выбросы цинка...

Господи, зачем я это всё знаю? Химическая активизация мозга. Даша принесла чаю.

Не могу вспомнить, в мультике «Зимняя сказка» ёжик ле-

чил Мишку или наоборот? Кто был белой пушинкой? Или снежинкой?

Даша ссорится с Олегом, что он на «деньрожденческом» каравале бабушки выбрал Наташину дочку Настю. Кажется, помирились. Делают уроки. Кайф.

ТЕТРАДЬ2

ЧЕРЕПАШКА ПРИДЕТ ПЕРВОЙ

1 марта

Третий Дракон. Перевернула календарь. Весна.

Вчера было совсем худо. 38,7. Ломило кости, ноги, таз, грудь как после операции. Всё тело — как сплошная ссадина. Поставила свечку, выпила ибупрофен. Блевала. Выпила полисорб. Уснула, словно провалилась в черную яму.

Сегодня намного лучше. Сварила куриный бульон. Запекла в духовке сухарики. Сползала на почту.

2 марта

А вдруг завтра будет другим? Лучше. Или хуже. Мы не знаем. Утром пекла блины. Днем гуляла. Купила резиновые сапоги Олегу. Пекла пиццу. Валялась с детьми. Прогулялись. Дома. Благодать. Кому какая разница, лысая не лысая, с одной грудью или двумя?

8 марта

Спала долго. В голове — каша. Работать тяжело, грустно и противно. Я медленная. Всё падает из рук. Мы с Юриком — всё еще два изгоя. Он — предатель, я — раковый больной, которому осталось недолго. Нас избегают. Но мы общаемся и поддерживаем друг друга.

Юрик напомнил мне о мультике про зайчика и черепаху и

других быстрых зверей. Там все бежали, торопились, соревновались, строили козни друг другу. А черепашка пришла первой к финишу. Меня это подбодрило.

Хотя, вот опять. Пришла первой! Ну, зачем это тебе? Первой! Ладно, не будем придирааться к себе. Черепаха ползла медленнее всех, но пришла первой. Подбодрило? Ну, и замечательно.

Из носа и глаз течет кровавая вода. Постоянно. Даша подарила мне тушь для ресниц. Но мне никак. У меня нет ресниц. И вечно мокрые красные раздраженные глаза и опухшие веки. Люди думают, что я постоянно зареванная. Это так лишь процентов на 30. Некоторым коллегам это доставляет истинное удовольствие. Разогналась в первый год работы? Стала наступать на пятки? Получи!

ЖЕЛАЕМ — ВЫЖИТЬ

Вчера мужчины на работе дежурно разнесли и раздали подарки с Женским днем. Бутылки вина и конфеты. Мне нельзя ни то, ни другое. Я была какая-то злобная внутри. Меня всё раздражало. К чему эти поздравления? Глупые пожелания? Желали какую-то чепуху...

Любви и взаимопонимания со своими партнерами. Чего? Да на хрен мне какие-то взаимопонимания и партнеры! Радовать свой красотой и женственностью. Да-да. Уж я-то могу порадовать этим, особенно сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.